№ 54 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

МАЙ-ОКТЯБРЬ 1957 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

33-й год издания

ЮБИЛЕИ

7 и 11 ноября — юбилейные даты: 40-летие октябрьского переворота и 70-летие казни четырех анархистов в Чикаго. Пятый приговоренный к казни незадолго перед этим покончил самоубийством.)

23 августа — тоже юбилейная дата: 30-летие со дня казни Сакко и Ванцетти.

Этим юбилеям, а также 45-летию смерти Вольтерины де Клэйр, и посвящен — частично — этот номер "ДТП."

В юбилейных номерах обычно принято — или оплакивать и восхвалять кого-то, или поносить и проклинать кого-то.

Не будем придерживаться этого "правила." Постараемся спокойно и объективно разобраться в причинах, порождающих такие юбилеи или, правильнее сказать, — события для таких юбилеев.

Об октябрьском перевороте (по старому стилю) тонны бумаги исписано. И в проклятиях и в дифирамбах нет недостатка. И все же, как нам кажется, причины, породившие "октябрь," не достаточно освещены. Обыкновенно все — и сторонники, и противники — пальцем указывают на Ленина: он, дескать, породил "октябрь." Роль Ленина в октябрьском перевороте, конечно, велика, даже очень велика, но все же Ленин не маг и не кудесник. Из ничего и Ленин создал бы ничего. Были, следовательно, какие-то предпосылки, какие-то причины для "октября." Ленин ловко и умело ими воспользовался, но сам их не создал.

Почва для "октября" подготовлялась долго — столетиями — и подготовлялась она царизмом. Упорный, а иногда и категорический отказ от проведения необходимых социальных реформ — вот истоки "октября." Россия нуждалась в перестройке. Она отставала, не шла в ногу с веком. Передовые и более-менее дальневидные лица указывали правительству на это. Некоторые делали это в виде советов, другие в виде требований. Но правительство оставалось глухим. Оно боялось реформ. Оно полагало, что если в России будет хоть кое-какая свобода, то ему, правительству, придет конец. (Характерно, что точно так же думают и теперешние правители России. Как видно, у всех правительств есть что-то общее.)

Как правило, гнет всегда порождает сопротивление. Россия, скованная сверху полицейскими законами, внутри клокотала и бурлила. Иногда эти подземные силы прорывались наружу, иногда уходили глубже, но всегда они были. В "октябре" они разлились как вода в половодье.

Октябрьский переворот, конечно, революция. Иначе его назвать нельзя. Но те исполинские силы, которые проявились в "октябре," были далеки от каких бы то ни было революционных установок. Ни теория Маркса, ни другие революционные программы не лежали в основе действия этих сил. Тут были обыкновенные требования того, что необходимо в жизни. Скорее это можно назвать борьбой за существование, чем революцией. Революционеров, в полном смысле этого слова (в том числе и—большевиков), было сравнительно немного и едва ли они справились бы со всеми задачами, если бы не шли в ногу с народной стихией. В этом все "искусство" Ленина. Он требовал того же, чего требовало большинство населения. Были ли эти требования искренни — другой вопрос, но большевики в "октябре" сливались с населением. Их лозунги отвечали чаяниям нуждающихся.

Притворное подлаживание под чужое горе — одна из особенностей большевиков. Как только возникнет где-нибудь нужда, как только раздадутся какие-либо требования — большевики немедленно устремляются туда в напяленной маске защитников униженных и обиженных. Своей готовностью помогать нуждающимся они как бы повторяют Некрасова: "Где горе слышится — будь первым там." Но их цель и цель Некрасова — диаметрально противоположные точки. Некрасов советовал спешить туда, где горе, чтобы помочь нуждающимся, большевики же спешат туда, чтобы эксплоатировать чужое горе и извлекать из чьей-то беды выгоду для себя.

Такая тактика, вне всяких сомнений, весьма и весьма отвратительная. Большевиков за это следует беспощадно критиковать. Но в этом вопросе, как и в каждом вопросе, есть и обратная сторона. Большевики эсплоатируют чужое горе, созданное кем-то, а не ими. (Здесь мы не касаемся СССР.) Поэтому, критике подлежат не только большевики, но и те, по чьей вине возникают всевозможные нужды. С этой точки зрения, вина за "октябрь" падает больше на предшественников большевиков, чем на самих большевиков.

Многие обвиняют Временное Правительство в том, что оно не проявило надлежащей строгости к большевикам. Если бы виднейшие главари большевиков были арестованы, то, по мнению обвинителей Вр. Пр., "октября" не было бы. Мнение—ошибочно. Репрессиями к большевикам можно было бы отсрочить (или же ускорить) "октябрь," но не ликвидировать его. Вина Вр. Правительства совсем в другом: в том, что оно, ликвидировав монархию, не ликвидировало наследия монархии — народной нужды. За исключением политических свобод и гражданских прав, Временное Правительство не разрешило ни одной социальной проблемы. Оно лишь обещало разрешить (соберется, дескать, Учредительное Собрание). Но обещания есть только обещания. Исстрадавшееся население нуждалось в облегчении немедленно, а не когда-нибудь. Вот в чем была вина Временного Правительства, — в оттягивании разрешения наболевших вопросов, а не в терпимости к большевикам. Если бы Временное Правительство дало крестьянам землю, улучшило положение рабочих, прекратило войну, — нет никаких сомнений, что большевики сейчас не сидели бы в Кремле. Могло ли правительство разрешить все эти задачи — другой вопрос, но факт тот, что оно их не разрешило и тем самым оставило для большевиков открытой дорогу к населению.

Временное Правительство не учло собственного же опыта. Оно легко пришло к власти, но оно забыло, что и другие—вслед за ним—так же легко могут придти, ибо все то, что гарантировало легкость прихода к власти — осталось нетронутым. Из народных недр продолжало нестись старое: "курченка негде выпустить." Пришли большевики и сказали: "берите все, что вам надо." Как же население могло не пойти с большевиками?

Но "курченка негде выпустить" не Керенского детище; это наследие царизма; поэтому Керенский фактически пострадал за грехи монархистов. Вследствие этого, Керенский, быть может, самая трагическая личность в русской революции. Он не проявил ничего антисоциального или же антинародного, но он защищал антисоциальное и антинародное, перешедшее к нему от монархистов.

Мотивы Керенского понятны: всё должно быть законно, санкционировано Учредительным Собранием. Вопреки глотки стояла кость — конфискация земель поме-

щиков или другого вида частной собственности. Как представитель буржуазии, хотя и либеральной, Керенский не мог решиться на конфискацию.

Но что такое конфискация? Предположим, человек имеет фунт хлеба. Кто-то пришел и отобрал этот хлеб. Предположим, далее, что у другого человека 50 фунтов хлеба. Тоже кто-то пришел и взял 45 фунтов, а 5 фунтов оставил владельцу.

Первый поступок, какими бы санкциями Учредительного Собрания ни прикрывался, — будет несправедлив, ибо человек оставлен без всяких средств к существованию. Второй же поступок и без санкций Учредительного Собрания справедлив, ибо хлеба оставлено достаточно для одного человека. (Предполагается однодневный срок.) Справедливость второго поступка тем более возростет, если взятые 45 фунтов будут разданы нуждающимся.

Второй поступок — это конфискация земель помещиков. Всей земли у помещиков не отняли бы. Часть, достаточная для пропитания семьи, была бы оставлена. Возможно, что некоторым помещикам пришлось бы лично обрабатывать оставленную землю. На первых порах, конечно, это варварство: барин и вдруг должен запахивать навоз! Но вспомним, что говорил Толстой по этому поводу... Во-первых, физический труд, как доказано наукой и медициной, не говоря уже о морали, полезен человеку. Во-вторых, если бы помещик перестал смотреть на окружающих его крестьян, как на низших существ, если бы он подошел к ним как равный к равным, братски протянул им руку и дружески начал давать им хорошие советы, как и что делать, чтобы лучше жить, то такому помещику не пришлось бы физически работать: все, что ему нужно, сделали бы крестьяне в знак благодарности за полезные советы.

Если этот пример умножить, если его сделать всероссийским, то вполне очевидно, что никому не пришлось бы страдать — ни помещикам, ни крестьянам. Небольшая доля добра, любви и человечности могли бы спасти Россию от кошмаров и катастрофы. Но стоявшие у власти не обладали этими качествами. Те, у кого "негде курченка выпустить," даже людьми не считались. А таких было много. Миллионы. Подавляющее большинство населения жило в страшной нищете. Дело иногда доходило до того, что земельный надел делился на 8-10 частей. Если поле тянулось полоскою, то нельзя было поворот сделать с лошадью без того, чтобы лошадь не ступила на чужую землю. Наделить таких людей немедленно землею было бы вполне справедливо и законно и без Учредительного Собрания.

Временное Правительство не учло простого правила: если человек болен, истекает кровью, то ему нужно немедленно же оказать медицинскую помощь, а потом уже говорить с ним о других делах. Население России было больно экономически — от недостатков.

Продолжение войны тоже лило воду на большевистскую мельницу. Население войны не желало, не желали ее и солдаты, а это как раз было на-руку большевикам.

Вообще, дорога большевикам была открыта на все четыре стороны. И не столько потому, что в стране были восстановлены гражденские права, дававшие возможность свободно говорить и писать, сколько потому, что нужда среди широких слоев населения не была, хотя бы частично, устранена.

Нужда — лучший проводник большевизма. Опыт показывает, что там, где благополучие населения поднято хотя бы на относительную высоту — большевизм успехом не пользуется. Там же, где царит недовольство (неважно на какой почве: политической, экономической, национальной, расовой, классовой и др.) — там большевики всегда могут расчитывать на успех. Следовательно, для того, чтобы не было большевизма, не должно быть недовольства в населении. Эту простую истину должны заучить наизусть все антибольшевики.

За "октябрь," таким образом несут ответственность в первую очередь те, по чьей вине Россия была бедной, отсталой, бесправной и суеверной страной. Дворцы и палаты Романовых считались роскошнейшими в Европе (даже кайзер по роскоши не мог сравняться с русским царем), население же в подавляющем большинстве ходило в лаптях, не имело своего хлеба после Рождества.

При большевиках Россия осталась такой же: то же бесправие, та же нищета со всеми ее спутниками, то же деление на сословия, только не по рождению, а по партийному билету. Поэтому большевиков

ждет та же участь, какая постигла их предшественников. То, что они уже процарствовали 40 лет, еще ничего не говорит. Романовы царствовали 300 лет и тем не менее полетели с легкостью перышка. Никто даже и не подумал их отстаивать. С такой же легкостью и быстротой рассыплются и большевики, когда пробьет их час. Большевиков тоже никто не станет защищать. Доказательством этому то, что пропасть между населением и властью осталась прежняя.

* * *

Причины, приведшие к Чикагской Драме, — тоже нужда и горе. Положение рабочих и сейчас во многих отношениях неважное, в восьмидесятых же годах прошлого столетия оно во всех отношениях не подавалось описанию. Рабочим приходилось работать длинные часы за плату — какую хозяин назначит. Сколько было человек на фабрике, столько и категорий платы. Одни получали больше, другие меньше, — в зависимости от того, кто и как угодил хозяину. После многочасового трудового дня, рабочий, проглотив ужин, немедленно же укладывался спать, ибо вставать нужно было еще до зари. Поэтому у трудового люда фактически никакой жизни не было. Все его земное существование заполнялось работой и сном.

Хорошо еще если работа — хотя и изнурительная — была. Но не всегда она была. Безработица неотступно караулила у порога рабочего. Не потрафил чем-нибудь хозяину и полетел с работы.

Малоизвестные теперь тремпы тогда были довольно многочисленны. Они (фактически это были обыкновенные безработные) бродили по дорогам, перемещаясь из одного населенного пункта в другой в поисках счастья, т. е. работы. Иногда они заходили в дома (большей частью к фермерам) в надежде выпросить хоть корочку хлеба для утоления голода. Вследствие этого, в газетах часто дебатировался вопрос: "что делать если в дом постучится тремп?" Ответы были разные, но один из них, данный каким-то богобоязным христианином, получил широкую огласку. Ответ гласил: "Если постучится тремп, дайте ему хлеба с примесью мышьяка."

Безработные, как видно, уподоблялись крысам, убиваемым при помощи отравленного снадобья. Живя в христианском обществе, лозунгом которого является: "кто поможет малым сим — поможет Мне" — безработный не мог расчитывать не только на помощь со стороны властей или же общества, но даже на симпатию, на человеческое отношение. Его бедственное положение обыкновенно объяснялось тем, что у него нет счастья ("хард лок") или же тем, что он — лентяй. "Хорошего работника хозяин никогда не увольнит" — обыкновенно напоминали безработному. Если это говорили посторонние — было еще пол-беды, но если это повторяла жена — разыгрывалась большая драма.

Безработица несет вред не только тем, кого она непосредственно коснется. Она пагубно отражается и на тех, кто еще работает. Каждый, имеющий работу, видя толпы безработных, боится, чтобы не попасть в эту армию отверженных, поэтому подобострастие и заискивание перед хозяином не знают границ. Рабочая солидарность, вследствие этого, сводится на нет. Каждый надеется только на себя, на свою способность угодить хозяину.

Анархисты в своей прессе все это разоблачали. Они указывали, что солидарность рабочих — их единственное спасение, что милость хозяина — ненадежна и призрачна. Сегодня хозяин может даровать милость, а завтра может сменить ее на гнев. Освобождение рабочих — дело самих рабочих. Ждать от кого-то подачки или же защиты — значит, отдавать себя в кабалу кому-то. В защите нуждается лишь больной и слабый, но не такой исполин, как рабочий класс. В рядах рабочих таится огромная сила, — сила, способная горы двигать. Беда лишь, что рабочие не сознают ни своей силы, ни своего права на достойную человека жизнь.

Пока эти слова не доходили до сознания рабочих, анархистов никто не трогал. Говорить тогда можно было, так как драконовских законов против анархистов еще не существовало. Но когда рабочие начали проникаться тем, что анархисты говорили, когда на фабриках и заводах стали появляться анархические газеты и журналы, когда рабочие, наконец, действительно, взяли судьбу в свои руки и потребовали введения 8-ми часового рабочего дня, как средства борьбы с безработицей, — то те, кто держал в своих руках бразды правле-

ния — как в политической так и в экономической области — решили поставить крест над такими понятиями, как свобода слова и печати, т. е. — анархические издания закрыть, а их издателей — арестовать. Но сделать это чисто полицейскими мерами все-же было неудобно. Как никак, а страна населена представителями западной цивилизации, а не папаусами. Школы, унивеситеты, музеи, книгопечатание — все это культура. Нельзя, стало быть, по-волчьи схватить человека за глотку и душить. В культурном обществе и убийство должно быть культурно. Суд, присяжные заседатели, адвокаты — все это само собой понятно, но этого еще мало. Нужно что-то большее, что-то такое, что совершенно отрезало бы обвиняемым путь к алиби. Иначе говоря, нужен предлог, который окончательно и бесповоротно был бы заклеймлен общественным мнением.

Таким предлогом может быть только уголовщина.

Вполне понятно почему взрыв бомбы на Сенной площади был приписан анархистам. Во-первых, против взрыва восстало все общество, во-вторых, бомбы и анархисты — то же самое, что мать и дитя. Кто же не знает, что где анархисты, там и бомбы? Они ведь у них запазухой растут.

История взрыва на Сенной площади слишком длинная, да и нет надобности теперь ее рассказывать, ибо давно доказано, что анархисты к этому делу не имеют никакого отношения. И доказано ни кем иным, как властью же. Губернатор Дж. Алтгельд, освобождая в 1893 г. из тюрьмы Оскара Нибе, Майкела Шваба и Самуила Фильдена, присужденных к тюремному заключению (Нибе к 15 годам, Шваб и Фильден — на всю жизнь) по тому же делу, что и казненные, тем самым подчеркнул, что анархисты не связаны со взрывом на Сенной площади. Если бы была хоть какая-нибудь связь, нет сомнений, что заключенные не были бы освобождены, особенно те из них, которые были присуждены к пожизненному заключению.

Хотелось бы в данном случае напомнить об одном малом известном факте. По свидетельству недавно умершей Люси Парсонс, жены одного из казненных, пять человек из состава присяжных заседателей, вынесших смертный приговор анархистам, закончили свою жизнь в доме для умалишенных.

Что это — совпадение или же угрызение совести? Если первое, то тем хуже для присяжных заседателей, а вместе с тем и для всего современного общества, ибо это доказывает какими умственными способностями обладали люди, выносившие приговор. Если же верно второе, то и доказывать тут нечего: все само за себя говорит. Присяжные заседатели не только получили похвальной лист и звание спасителей общественных устоев, но и крупные денежные вознаграждения. Это, повидимому, и явилось жерновым камнем.

История, впрочем, давно известная. Она была продемонстрирована еще г-ном Искариотским.

⁂

Дело Сакко и Ванцетти идеологически связано с Чикагской Драмой, но фактически нити его тянутся к октябрьскому перевороту или, правильнее сказать, к одному уродливому явлению, вызванному октябрьским переворотом — к Палмеровщине.

Сакко и Ванцетти, как и большинство членов Союзов Русских Рабочих, не имели никакого отношения к октябрьскому перевороту, не были ни его сторонниками, ни защитниками, но палмеровцы в таких "тонкостях" не разбирались. Облавы и аресты производились не по политическим или же идейным оттенкам, а по степени активности. Где больше было активности, больше подъема и успеха, туда и направлялись во первую очередь палмеровские молодцы. Этим и объясняется, почему Союзы Русских Рабочих, несмотря на их отрицательное отношение к большевикам, первыми испытали прелести палмеровщины.

Активность Сакко и Ванцетти, по словам лиц, их знавших, была просто сказочная. Каждую свободную минуту они старались посвятить идейному делу. Застать их дома почти невозможно было, — всегда были в отлучке по какому-либо идейному делу. То литературу нужно было разнести, то с речью на митинге выступить, то оформить новосозданную организацию. Особенно усиленно им пришлось работать после того, как несколько молодых итальянцев попало в сети палмеровщины. Арестованным грозила депортация, а они этого не желали,

да сов. правительство и отказалось бы их принять. (Даже выходцев из России сов. правительство впоследствии отказалось впустить в страну, т. е. на их же родину.) Приходилось ходить от адвоката к адвокату, из учреждения в учреждение. Во время этих хождений Сакко и Ванцетти не могли не почувствовать, что над ними тоже висит Дамоклов меч, т. е. что и они могут в любое время быть арестованы. (Во время палмеровщины были случаи когда арестовывали человека только за то, что он помогал арестованным, — носил в тюрьму, например, съестные продукты.) Когда же один из арестованных итальянцев — друг и земляк Сакко — трагически погиб, выбросившись из здания юстициии в Нью Иорке, Сакко и Ванцетти решили принять некоторые меры предосторожности. У Сакко созрел план поездки в Италию. Плану этому, однако, не суждено было сбыться, ибо Сакко и Ванцетти вскоре были арестованы.

Подобно мавру, который, сделав свое дело, может уходить, палмеровщина после ареста Сакко и Ванцетти стушевалалась. На протяжении многолетней борьбы за спасение жизни Сакко и Ванцетти о палмеровщине, пожалуй, мало кто и вспомнил. На первом плане фигурировала обыкновенная уголовщина. Сакко и Ванцетти обвинялись не как носители известных идей, не как "угроза" современному строю, а как обыкновенные преступники, обильно заполняющие ежедневную хронику.

Это — участь всех анархистов. Как только анархист попадет в руки правосудия — немедленно же пришьют уголовное дело. Так поступили с чикагскими анархистами в 1886 г., так судили Муни и Биллинса в 1916 г., так исценировали дело Сакко и Ванцетти в 1921 г. Даже Эмму Гольдман и Александра Беркмана, арестованных в 1917 г. за устройство антимилитаристического митинга, обвиняли не только как противников войны, но и как... немецких шпионов.

Такова тактика правительства.

Этой тактики придерживалось и сов. правительство. Льва Черного большевики расстреляли не как анархиста, а как бомбометателя. Характерно, что расправа с Черным произошла почти в то же время, когда большевики чуть-ли не на каждом углу выступали в защиту Сакко и Ванцетти. Большего лицемерия трудно подыскать. В одном месте защищают анархистов, в другом — тех же анархистов отправляют на тот свет.

Это лицемерие продолжается до сих пор. Большевики все еще щеголяют в тоге защитников Сакко и Ванцетти, все еще ежегодно отмечают трагические минуты 23-го августа 1927 г. В Москве есть даже улица имени Сакко и Ванцетти. Вероятно, есть такие названия и в других городах. Разве не странно: улица называется Сакко и Ванцетти, но на этой улице не могут жить единомышленники Сакко и Ванцетти?

Как видно, героями могут быть только те Сакко и Ванцетти, которые живут (или жили) в Соединенных Штатах, а те, которые находятся в СССР — преступники. Двуличие неповторимое...

Ночь, когда были казнены Сакко и Ванцетти, многим из нас еще памятна. Душная и кошмарная была ночь... С тех пор прошло уже 30 лет. (Время летит.) За это время умерли некоторые из тех, по чьей вине Сакко и Ванцетти очутились на электрическом стуле. Умерли и... забыты. Многие-ли помнят судью, формулировавшего приговор, или прокурора, произносившего драматические речи? Очень немногие. Имена же Сакко и Ванцетти неувядаемы. Они никогда не умрут. С практической точки зрения в этом, быть может, мало утешения, но с принципиальной точки зрения, это много значит. Это доказывает, что правду и справедливость нельзя убить. Рано или поздно они восторжествуют.

Над могилами Чикагских Мучеников уже возвышается грандиозный памятник, воздвигнутый Американской Федерацией Труда в знак признательности и уважения к погибших. Будет когда-нибудь такой же памятник воздвигнут и над могилами Сакко и Ванцетти. Человечество никогда их не забудет.

***

45-й годовщине смерти Вольтерины де Клэйр придется уделить лишь несколько строчек. Такие люди, как де Клэйр, редко посещают нашу планету. Логически и фактически де Клэйр должна была быть монахиней, так как она почти ребенком была отдана в монастырь на воспитание. Но из мрачных стен монастыря вышла не монахиня, а анархистка чистейшей души. Есть

тут что-то от Лермонтовских "Мцыри." Там тоже затворники под тяжелыми сводами монастыря проникаются стремлением к свободе.

Что прежде всего бросается в глаза при знакомстве с жизнью и деятельностью де Клэйр — это доброта. Вольтерина де Клэйр ни к кому не питала зла. Она даже хлопотала за человека, стрелявшего в нее. В этом отношении де Клэйр выделяется не только из общей массы человечества, но даже и из анархических рядов. Некоторые анархисты тоже думают, что только их точка зрения—истина, а всех остальных (анархистов)—заблуждение. Де Клэйр так не думала. За каждым анархистом она признавала известные заслуги. И Толстой, и Кропоткин, и Прудон, и Штирнер, и Тукер, — все они, по мнению де Клэйр, возложили известные дары на алтарь Анархии. Всех их нужно ценить, а не копаться в надежде наткнуться на их ошибки. Не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Анархизм, в представлении де Клэйр — это букет из разных цветов. Чем разнообразнее цветы, тем букет красивее.

Очень жаль, что де Клэйр умерла сравнительно молодой — на 46 году своей жизни. Поживи она больше — много чудных слов и ярких мыслей она оставила бы нам и грядущему поколению.

Кто-то сказал, что добрые и хорошие люди не задерживаются долго на нашей планете. Возможно, это и так, хотя, казалось бы, что боги должны любить своих избранников и награждать их долголетием.

Автономов

СОРОК ЛЕТ...

Сорок лет большевики врут, не краснея. Сорок лет говорят одно, а делают другое.

На словах они: революционеры, коммунисты, защитники униженных и обиженных, глашатаи свободы, равенства и братства, преобразователи общества на справедливых началах, рассадники света и просвещения, проводники культуры, рациональной науки и т. д. А на деле: контр-революционеры, угнетатели всего населения, а униженных и обиженных — в первую очередь, душители свободы, равенства и братства, создатели рабского строя, гасители света и просвещения, враги культуры и социальных наук (технические науки исключаются).

На словах: противники буржуазии, искоренители мракобесия, ликвидаторы деления общества на классы, противники эксплоатации человека человеком, нации — нацией, расы — расой и, конечно, беспощадные критики человеконенавистничества. А на деле: обыкновенные буржуа и эксплоататоры, друзья духовенства, молящегося за них и прощающего все их прегрешения, партнеры крупных магнатов, торгующих с ними, проводники новых социальных делений и антагонизмов, покровители отъявленных шовинистов (Нассер).

Сорок лет большевики на словах создают: социализм, коммунизм, народную демократию и т. д. А на деле получилось: капитализм, бюрократия и партийная олигархия.

Почему так?

Потому, что большевизм в самой своей основе — противоречие. Освобождение рабочих, о чем так много говорят большевики, и создание государства-левиафана— две крайности, нигде не совпадающие.

Свобода — полная противоположность мощи государства. Чем большим авторитетом располагает государственный аппарат, тем меньше свободы, и наоборот.

Это хорошо понимали основатели Соединенных Штатов, жившие приблизительно 200 лет тому назад, а потому и старавшиеся ограничить авторитет центральной власти, т. е. государства.

Большевики поступают как раз наоборот: укрепляют и усиливают государственный аппарат, т. е. идут не в сторону расширения свободы, а в сторону ее сокращения.

Построить таким путем коммунистическое общество — то же самое, что выращивать овощи в трескучий мороз. Как для овощей нужно тепло, так для коммунизма нужна свобода.

Свобода же немыслима там, где госу-

дарство своей тяжестью давит на всех и на вся.

Вот почему большевизм — противоречие.

С одной стороны, большевики ставят своей целью освобождение порабощенных, с другой — создают сильное государство. Реальной целью в конце концов остается строительство государства, а освобождение порабощенных — переходит в разряд фикций. В СССР уже давно не интересуются ни освобождением, ни улучшением положения населения, но заботы об усилении государства не прекращаются. Хрущев ничего так не желает, как сильного государства, — такого сильного, чтобы весь мир его боялся.

Получается нечто противоположное тому, о чем мечтал Маркс.

Как известно, Маркс, сочетая государство с освобождением рабочих, полагал, что по мере того, как рабочие начнут разгибать спину и становиться во весь рост, надобность в государстве, как в чем то вспомогательном, исчезнет, а вместе с тем и само государство должно будет исчезнуть. В действительности мы видим совсем другое: не рабочие, а государство становится во весь рост. Рабочие как были порабощены, такими и остаются. Государство же из роли исполнительной переходит в роль полного хозяина.

О пресловутом отмирании государства тут не может быть и речи. У большевиков государство расцветает, а не увядает.

Но это, пожалуй, единственно что у них расцветает. Все остальное — прозябает, ибо все — решительно все — находится на службе у государства. Служба же — есть служба. Даже если она хорошая, все же это служба, а не свободное действие.

Сорок лет большевики догоняют и перегоняют Америку, и все еще позади. И будут позади. Они могут лишь в отдельных случаях (например, в деле вооружения) догнать Америку, но не во всех областях жизни.

Для того, чтобы сравняться с Америкой, должно быть, во-первых, свободное проявление личной инициативы, а во-вторых — заинтересованность производителей тем, что они производят. Ни то, ни другое под контролем государства немыслимо.

Государственная монополия — явная помех успешному ведению народного хозяйства. Это — лед, сковывающий поверхность воды.

Но даже если предположить, что большевики догонят Америку, — что же из этого? Неужели революция совершалась только для того, чтобы производительность достигла американского уровня? Что то не верится. Как будто цели революции были другие.

Правда, в дореволюционной России производительность стояла на низком уровне, но все же не это порождало революционное движение и создавало кадры революционеров и отважных борцов.

Вера Засулич стреляла в Трепова не потому, что в России мало нефти добывалось, а Каляев произвел покушение на московского генерал-губернатора вовсе не из-за того, что в России были непролазные дороги.

Были тут иные мотивы — не хозяйственного порядка.

Революционное движение создавалось и подогревалось тем, что в стране не было свободы и справедливости, с одной стороны, а с другой, — тем, что среди населения царила беспросветная нужда.

Эти минусы дореволюционной России и помогли большевикам пробраться к власти. И если бы большевики все это ликвидировали, то они заслуживали бы благодарности и похвалы, независимо от производственных темпов. В конце концов ведь, как сами большевики теперь признают, не хлебом единым жив человек.

Можно добывать много угля или нефти, но если в стране царит бесправие, то добытая в большом количестве нефть или уголь коммунизма не создадут.

Идеальный (или же не идеальный) строй определяется не количеством производимых предметов, а существующими в стране порядками. Если порядки хороши, то и голод не страшен, а если порядки плохи, то и калач не мил.

С этого большевикам и следовало бы начинать перегонять Америку. Если бы они установили лучшие чем в Америке порядки — они тем самым оставили бы далеко позади себя все буржуазные страны.

Иначе они Америки не перегонят. Даже если они доведут продукцию до уровня американской — и в этом случае они будут позади Америки, ибо их порядки хуже американских. Но, повторяем, их продук-

ция, даже чисто математически, не сравняется с американской, ибо у них нет личной инициативы. (Отдельные случаи, как оборона, напр., не принимаются в расчет.)

Сорок лет в историческом масштабе — капля воды в океане. Пожалуй, этого срока не достаточно даже для поднятия промышленности на должную высоту. Но для социальных реформ этот срок более чем достаточен. За сорок лет можно было преобразовать страну социально до неузнаваемости. Можно было отдать землю крестьянам, фабрики — рабочим; можно было гарантировать полную неприкосновенность личности, обнародовать свободу слова, собраний, верований и т. д.

Сорок лет для таких преобразований — вполне достаточный срок.

Но большевики этого не сделали и не думают делать. Поэтому все их разговоры о достижениях, о гонке с Америкой, яйца выеденного не стоят.

Какая в сущности польза населению от того, что построены новые гигантские комбинаты? И комбинаты эти, и вырабатываемые на них предметы, принадлежат не тем, кто там работает, а государству.

Какая польза колхозникам, что в некоторые коровники проведено электричество? И коровники эти, и укрывающиеся в них коровы, принадлежат не колхозникам, а государству? Так везде, где заметны улучшения. Государство богатеет, усиливается, а население как было при разбитом корыте, так и остается с этим корытом. А в некоторых отношениях даже разбитое корыто перешло в собственность государства.

Разбитое корыто следует понимать не только в экономическом смысле, но и в смысле политическом. Везде у населения разбитое корыто.

Ни прорытие новых каналов, ни открытие новых копей, ни введение в строй новых дредноутов и бомбовозов, ни даже изобретение атомной бомбы, не улучшили положения населения.

Возможно, от этого улучшились дела государства, но не населения. Ибо государство одно, а неселение совсем другое.

Старое изречение, гласящее, что между хозяином и рабочим нет ничего общего, и здесь остается в полной силе. Между хозяином — государством — и рабочим — населением — нет никаких точек соприкосновения. Что выгодно одному, то невыгодно другому. Населению выгодна свобода и воля, а государству выгодно рабство, ибо при помощи рабского труда оно, как в древнем Египте, успешно строит свои пирамиды. Даже Заполярье при помощи рабского труда можно "освоить"...

Нам могут заметить, что мы пристрастны, что в СССР не так уж плохо, что там успешно развиваются науки, искусство, спорт и т. д.

Прежде всего относительно "плохо." Нигде и никогда не было такой страны, где бы буквально всем было плохо. Буквального "плохо" нет. Обыкновенно плохо бывает большинству населения, но среди этого большинства всегда найдется меньшинство, которому живется очень хорошо. Даже в самых отсталых азиатских или африканских странах такое моньшинство есть. Есть оно, конечно, и в СССР. Там тоже некоторым лицам живется хорошо, даже очень хорошо.

Что же касается науки, искусства и т.п., то технические знания в СССР, действительно, широко распространяются. Но, во-первых, технические знания еще не наука, а во-вторых, их прогресс обусловлен исключительно индустриализацией. Без технических знаний ведь индустриализация немыслима, а кто снимает сливки с индустриализации — это всем известно. Короче говоря, технические знания нужны государству, вот оно их и насаждает.

Если судить по объему, то можно сказать, что искусство в СССР тоже процветает. Но нельзя этого сказать, когда речь заходит о качестве. Свободного искусства в СССР нет. Прославление государства и партии (т. е. хозяина) обязательно для всех видов искусства.

Само собой понятно, что такое искусство — временно. Оно существует пока существует нынешний строй, с падением же последнего, падет и придворное искусство.

Так что, рассуждая объективно, единственно что можно признать положительным — это технические знания. Они останутся и после падения большевиков.

Но если принять во внимание формулу Н. Михайловского, гласящую, что прогресс не стоит слезы ребенка, то достигнутые в СССР успехи в области техники значительно понизятся в своем удельном весе. Никому ведь не тайна, что эти успехи не

свободны не только от слезы ребенка, но и от крови взрослого человека.

О так называемой физкультуре, весьма поощряемой большевиками, говорить много не приходится, ибо это не что иное, как старание отвлечь молодежь от социальных проблем. Большевики очень боятся социальных вопросов, в том числе и самой науки — социологии. Они и стараются уберечь молодежь от этого, но старания их, судя по последним сведениям, не совсем успешны.

Итак, что же — после 40 лет — на положительной чашке весов, а что на отрицательной? На положительной — индустриализация (успехов тут нельзя отрицать), а на отрицательной — вся многогранная жизнь СССР.

А над всем этим высится, как паук в своей паутине, государство, и сосет, сосет...

***

Строки эти были уже написаны когда стало известно об удачном запуске сов. учеными искусственного спутника Земли в стратосферу. Прыжок вперед, по сравнению с Америкой, здесь на-лицо. Действительно "перегнали"... Но что же из этого? Только то, что, как неоднократно мы отмечали, успехи техники и науки в СССР не имеют никакого отношения к бытовой стороне жизни. Население, как было бесправным — таким и остается. Даже ученые, достижениями которых теперь так гордится сов. правительство — фактически бесправные люди. Они тоже, как и все население страны, по-солдатски служат государству и работают на государство.

Н. Н.

УРОКИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Дух Октябрьской Революции, т. е. идеал, вдохновивший население России, не оправдал наших надежд и упований. Не увенчалась жертвенная борьба лаврами победы добра над злом, — победы, которая предвиделась накануне и вначале революции. Факт досадный. Но не указывает-ли он конкретными примерами всему сознательному миру, что социалистическое государство, моделью которого является СССР, превосходит всякий тип другого государства в порождении зла? Не пробуждает-ли он волю к отрицанию государства?

Канун и начало октябрьских волнений ознаменовались активностью народной воли. Казалось, как будто из этой глубины взволновавшейся народной стихии грозно нахлынет девятый вал—и унесет в пучину пространства и времени все то, что ловит в западню честность и безкорыстность; все то, что ложно и вероломно в человеческих взаимоотношениях; все то, что родит и вскармливает зло и горе людское. Однако, всей этой светлой перспективе гармонического устройства жизни не суждено было сбыться: сама народная воля, не будучи опытом научена в распознавании добра и зла, пощадила и допустила реакцию, воспрепятствовавшую наступлению светлых дней.

Массы всегда любили и любят внешность жизни, а не принципиальность, т. е. сущность и внутренний смысл. Такому ходу вещей вполне соответствует Марксизм-Ленинизм. Это есть теория поразительно замечательная внешностью, но злополучно-скудная идеалистическим внутренним содержанием. И здесь то она по закону сходства выразилась в форме деспотического государства.

В своих фундаментальных свойствах социалистическое государство ничем не отличается от другого типа государства. Все государства имеют одну и ту же кардинальную цель: сохранять и увеличивать да увеличивать свои преимущества, привилегии и силы преобладания. Ради этих интересов и преимуществ никакое государство не побрезгует самыми гнусными деяниями. Государственникам нет дела до того, что их деяния пагубно влияют, как на жизнь настоящего времени, так и на жизнь, имеющую прийти в будущем. Мы видим как поколение за поколением по прихоте государства не только задерживается в своем эволюционном движении, но и катится назад к первобытному зверству.

Люди проникаются чисто скотскими похотями, словно они не люди, а животные. Под влиянием государственной власти инстинкты человека подвергаются хроническим заболеваниям и ведут его к самым отвратительным, к самым гадким и мерзким поступкам. Поэтому мы имеем разного рода преступников, садистов и других безнравственных и безумных типов.

Все эти наблюдаемые каждый день позорные явления доказывают, что всякое государство есть мрачный склеп, где жизнь утрачивает свое содержание, бледнеет и увядает совершенно. Государство — виновник грубого себялюбия, черстваго равнодушия ко всему живому, и неутолимой жажды чисто-животных наслаждений; оно есть организованное устройство шумного разгула, физического и морального насилия. Что государство есть насилие, не скрывают этого даже сами основатели новейшего типа государства. Джордж Вашингтон говорит, что государство не есть убеждение, а насилие. Ленин (17-го ноября 1917 г.) также объясняет, что государство есть построенный институт для отправления насилия.

В применении насилия государства расходятся. Каждое из них имеет свои особенные свойства и приемы. Тот или другой образ употребления насилия сообразуется с наклонностями политической верхушки. Господствующие политиканы в СССР, имея наклонность к диктаторскому честолюбию, построили свой институт насилия так, что им средневековое папство апплодирует с самым сердечным восторгом. Средневековое папство установило институт страшных пыток против науки, а современный большевизм — против пробуждающегося самосознания; папство оперировало посредством Духовного Судилища (Инквизиции), а большевизм — посредством Диктатуры Пролетариата; папство совершало пытки к вящей славе божьей, а большевистская партия совершает таковые уже 40 лет к славному восторжествованию Государственного Социализма.

Конечно, Государственный Социализм, посредством демонического насилия, может достигнуть своего торжества. Но этот социализм очень далек от такого положения, где жизнь каждого и всех базируется на идеалах добра, правды, справедливости и красоты взаимоотношений. Все это абсолютно чуждо Государственному Социализму, как показывает опыт в СССР.

В Государственном Социализме (как вполне справедливо замечено одним из вольнодумцев задолго до Октябрьской Революции) практически каждый становится солдатом. Это есть вербовка на всю жизнь. Мир превращается в милитаристический лагерь, где каждая обязанность указывается, где барабанным боем призывают к занятиям и где досуг предписывается.

В теории каждое государство должно работать на благо человечества, но фактически работает оно на благо небольшой кучки лиц.

Вместо ослабевания функции государства увеличиваются до тех пор, пока не становятся помехой для человеческой деятельности. Герберт Спенсер определяет Государственный Социализм как "Грядущее Рабство." Бакунин был против государства на почве свободы, а Мадзини на почве республиканизма.

Государство есть чистое политическое явление. Оно не религиозное и не атни-религиозное. Оно использует непогрешимость папы или папскую туфлю, если есть целесообразность. Оно соединит руки с Иезуитами, не из-за дружбы, но из-за выгоды. Объектом социалистического государства является абсолютный контроль.

Под абсолютным контролем, так называемой, Диктатуры Пролетариата, в СССР совершается настоящий кошмар. Этого не случилось бы если бы сознательность рабочего люда стояла выше в дни стихийной активности. Политическое движение семнадцатого года берет свое начало из неизсякаемых источников природы, зовущей всех к свободе. Но впоследствии, благодаря неведению и небрежности большинства населения и доверчивости к вождям, оно отклонилось от законов природы.

Законы природы дифференцируют в развитии и проявлениях жизнь на самостоятельные элементы. И каждая обособленная человеческая жизнь, приходя в видимый мир, наделяется от природы волей, чувствами и разумом, в зачаточном виде. Наделяя каждого из нас этими качествами, природа требует их развития и выражения в творческой работе.

Допустить такую деятельность Марк-

сизм-Ленинизм не хочет и не может. Будучи по своему происхождению узко-реалистической теорией, он определяет общественную жизнь согласно восприятиям внешних чувств и сообразно данному времени и месту. В силу такого хода обстоятельств, благотворно-творческий импульс подавлен косностью и находится на дне души. Поднять его к требуемой работе может лишь такое положение, которое представляет собою неограниченный простор для действий как ума так и опыта, — положение, которое развивает и отдает справедливость здравому смыслу, а не опирается на авторитет узких правил и догматов.

Созидательное творчество, как указано выше, известно под именем Анархии. Анархия есть такая сила, которая охватывает всю вселенную с ее законами, куда включены правила и наставления для проявлений человека. Ни одна задача человеческого бытия не может решиться вне этого универсального закона анархии — закона надлежащей свободы для гармонической жизни.

Употребляя слова "свобода" и "анархия," необходимо обратить внимание, какие понятия заключаются в них. Понятия свобода и анархия не всегда тождественны. Свобода это способность следовать своим наклонностям без всяких препятствий, — но ведь наклонности бывают разные. Анархия же есть нравственная сила, которая обрабатывает и оплодотворяет поле духовной деятельности качествами и свойствами, какие требуются самой природой для высших проявлений. Дальше, свобода в общих проявлениях есть осуществление и удовлетворение самых простых чувств; анархия же есть сила, которая пробуждает эмоции и расширяет интеллект для работы и согласования сокровенной в человеке природы с природой целого мироздания.

Если это так, то это доказывает, что анархия не имеет никакого дела с планами общественного устройства (как формулируется Марксом и Лениным), — она имеет дело с проблемами жизни. Из всех проблем жизни, как уже исторически известно, первейшей является борьба за существование; затем, другая задача (также важна как и первая) это побуждение к духовному, или идейному, развитию. Здесь то анархия, как жизненная сила, ратоборствует за самобытное существование каждого и всех, и способствует человеческому духу подниматься ввысь. Рожденная в области культуры, анархия является животворной атмосферой для лицезрения зримого и незримого мира; она сочувствует тому, что прекрасно в жизни, мудро, правдиво и достойно любви. Анархия ведет каждого и всех к самоприобретению совершенных и украшающих свойств, и обогащает жизнь человека ценным содержанием, давая возможность осмыслить свое собственное существование и определить жизнь во всей ея целости. Для анархии каждая человеческая жизнь есть неприкосновенное бытие; и этому бытию она верна здесь и там, вчера, сегодня и всегда.

Таков вид идейно-революционного движения 17-го года, и такова существенная характеристика систем общественной жизни. Октябрьский переворот есть горестное событие в процессе одушевления идейной сознательности, — событие, которое определяется лавированием между Сциллой и Харибдой. Всеобщая народная сознательность, освобождаясь от утеса-чудовища монархии, очутилась в смертоносном водовороте государственного социализма. Причиной такого печального хода является слабость света и знания в рядах рабочего люда, а также и отсутствие интенсивных стремлений к этому свету. Мы, рабочие, как видно из октябрьского переворота, знаем, что нам нужно сегодня, но не знаем, что нужно будет завтра, поэтому мы не способны предвидеть промахи и ошибки в наших действиях. И природа больно уж хлещет нас за это. Да осенит нас светлая сила распознавать такие сотрасающие опыты. И да будет наш дух, анархический дух, готов к встрече со следующим "октябрем."

Окномойщик

***

Мысли мудрых людей: Простая речь (как мы говорим с близкими и друзьями) — важнейшее правило, которого должны придерживаться пишущие статьи.

70-ЛЕТИЕ КАЗНИ АНАРХИСТОВ В ЧИКАГО

1887-1957

ЗА ЧТО КАЗНЕНЫ ЧИКАГСКИЕ АНАРХИСТЫ

Официально чикагские анархисты были казнены за взрыв бомбы, а фактически — за свои убеждения. Официально были повешены не анархисты, а уголовные преступники; судили же анархистов. Почему так? Зачем этот своеобразный дуализм? Ответ ясен: сказать открыто, что человека нужно казнить за его убеждения—никто не решается. Даже всесильный диктатор Сталин неизменно наклеивал на имена своих жертв грязные пятна. Даже во время инквизиции "еретиков" казнили не за их своемыслие, а за связь с дьяволом. Даже Христа распяли между разбойниками, чтобы подчеркнуть, что между распятыми существенной разницы нет. То же и с чикагскими анархистами: их распяли как разбойников. (Один из казненных, А. Фишер, в своем "последнем слове" произнесенном уже после вынесения приговора, сказал: "Если бы меня осудили как анархиста — я безропотно принял бы приговор, ибо смерть за свои убеждения — высшая честь для человека. Но меня осудили не как анархиста, а как убийцу. Против этого я и протестую, ибо я не совершил никакого убийства.)

В этом и заключается Голгофа Чикагской Драмы. Смертная казнь сама по себе — драма; если же приговор вынесен по ложным обвинениям — драма эта во много раз углубляется.

Что приговор чикагским анархистам — произвол властей, — об этом красноречиво свидетельствует сам судебный процесс, длившийся свыше двух месяцев. Обвинение было построено, как и подобает, на показаниях свидетелей. (Иначе ведь нельзя!) Что такое показания свидетелей — теперь хорошо известно. Имя некоего Матусова, свидетельствовавшего сначала против большевиков, а затем в пользу большевиков, всем еще памятно. По словам этого Матусова, выступал он против большевиков потому, что ему за это хорошо платили. (За выступления в пользу большевиков тоже, конечно, платили, только из других источников.) Такие свидители всегда были и всегда будут, пока будет существовать комедия, именуемая судом. Один из таких свидетелей — неизлечимый алкоголик — утверждал, что он видел как А. Шпис, присев на корточки, зажигал спичкой бомбу. Дул сильный ветер и слабый огонек спички мгновенно потухал. После долгих усилий и траты спичек, Шпису все же удалось зажечь фитиль и бросить бомбу в подошедший отряд полицейских, а самому благополучно скрыться. Смехотворность (если тут уместен смех) этого утверждения более чем очевидна. Можно ли допустить, чтобы нормальный человек стал зажигать бомбу на виду у многочисленной толпы да еще в сильный ветер? Если бы же, паче чаяния, такой фанатик нашелся, то нет сомнения, что он моментально был бы схвачен полицейскими, сновавшими в разных направлениях. Не то, что бросить, но даже зажечь бомбы он не успел бы, Шпис же, по словам свидителя, зажег бомбу чуть ли не под самым носом полицейских, удачно ее бросил, а затем — словно сквозь землю провалился. Одно из двух: или Шпис сверхчеловек или полицейские — слепцы.

Но даже если допустить, что все было так, как нарисовал свидетель, то за взрыв должен был отвечать только Шпис, а не восемь человек. (В связи со взрывом на Сенной площади, как известно, были арестованы: Август Шпис, Джордж Энгель, Адольф Фишер, Луис Линг, Оскар Нибе, Майкел Шваб, и Самуил Фильден. Позже к ним присоединился, добровольно явившись в полицию, Альберт Парсонс. Первые четыре и Парсонс были приговорены к смертной казни, а остальные трое к тюремному заключению.) Ведь не могли же все они бросать одну и ту же бомбу. Да свидетель и не говорил, что всех их видел.

Вообще, если считаться с фактами, то к трагедии на Сенной площади можно с известныыми натяжками (именно с натяжками) причислить лишь троих из арестованных: Шписа, Парсона и Фильдена, выступлениями которых заканчивался митинг, — остальные же не должны нести никакой ответственности, ибо они в момент роково-

го взрыва находились в других частях города. Но разве те, кто по заявлению Некрасова, в своих руках держит все громы земные, — станут считаться с фактами? Наплевать им на факты. Они, как парящий в выси коршун, заранее намечают свою жертву и при первом удобном случае стремглав бросаются на нее.

Власти, конечно, знали, что если бы не анархисты, то митинга на Сенной площади не было бы, а если бы и был, то носил бы иной характер. Значит... долой устроителей митинга. Но как—"долой"? Как ни как, а свобода слова, собраний и т. д. значится во всех правительственных декларациях вплоть до конституции. Открыто запретить митинг — то же самое, что наступить сапогом на конституцию. Иное дело, если связать митинг с уголовщиной. Тут, как говорится, и козы сыты, и сено цело: и противник смят в порошок, и невинность сохранена.

У защиты, конечно, были доказательства, что взорвавшаяся бомба принадлежала к тому типу бомб, которые взрываются от удара (при падении на землю), а не от зажигания спичкой. Были также свидетели, подтверждавшие, что бомба доставлена из Нью Иорка. Но кто же станет считаться с доводами защиты анархистов? Мыслимо ли, чтобы ягненок, попавший в лапы волка, мог расчитывать на доказательство своей правоты? Под тем или иным предлогом доводы защиты были отклонены, а смехотворные доводы свидетелей со стороны прокуратуры признаны действительными.

Взрыв бомбы, как отмечено выше, лишь официальная версия Чикагской драмы, — при том, весьма призрачная, а потому и ненадежная. Это нечто вроде мешка, в котором запрятано шило. Известно, что если мешок осторожно положить в угол и больше его не трогать, то содержание не будет обнаружено. Но если мешок вертеть в руках, потрясая им в воздухе, — шило неизбежно себя выкажет. То же самое и взрыв бомбы: "шило" себя выказало бы, если бы этот инцидент был подвергнут детальному и всестороннему анализу. Учитывая это, обвинители тихонько положили "в угол" взрыв бомбы, а на первый план выдвинули элементы, ничего общего со взрывом не имеющие.

Все, что подсудимые писали когда-либо или же говорили (даже частные письма) — все это было извлечено из пыльных архивов и доставлено в зал суда. Перед присяжными заседателями прошла в полной величине духовная биография подсудимых. Каждая строчка, ими написанная, каждое слово, ими произнесенное, — на лекциях, митингах, на заседаниях или же в тесном товарищеском кругу — все было доведено до сведения присяжных заседателей. Несколько недель длилась эта своеобразная экскурсия в прошлое. Прокуратура этим как бы подчеркивала: смотрите, дескать, какие люди сидят на скамье подсудимых! Видите, что они делали! Слышите, что они говорили! На тех, кто привык смотреть на все как на кино-фильм, т. е. воспринимать все при помощи слуха и зрения, старания прокуратуры могли произвести известный эффект. Но те, кто способен был не только видеть и слышать, но и думать, не могли не спросить: какое же, собственно говоря, отношение имеют эти статьи и слова к взрыву бомбы? Не только опытному юристу или же изворотливому политическому деятелю, но и обыкновенному смертному, не лишенному дара логики, было ясно, что если люди обвиняются во взрыве, то и судить их должны за этот взрыв, а не за то, что они сказали или же написали задолго до взрыва. Знали это, конечно, и обвинители, но тем не менее они сидели на своем коньке, ибо здесь у них были неопровержимые факты. Ни один из обвиняемых не мог отказаться от того, что он написал в своей статье или же сказал в своей речи. (Что напишешь пером — не вырубишь топором.) Если, когда речь шла о взрыве, нужно было доказать кто бросил бомбу, то здесь уже ничего не нужно было доказывать: факты сами говорили за себя.

Был тут еще один козырь: положительное отношение подсудимых к насилию. Во всех их речах и статьях чувствовалось, что освобождение без насилия, хотя и желательно, но немыслимо. Это было особенно на-руку обвинителям: дескать, если подсудимые одобряют насилие, то как же не допустить, что и бомбу они могли бросить? (Что между "могли" и самым фактом бросания бомбы огромная разница — об этом прокуратура предпочитала умалчивать.) Подсудимые и не думали отрицать своего положительного отношения к насилию, но добавляли, что насилие — не исключительно их привилегия. Парсонс в

своем "последнем слове" привел много выдержек из буржуазных газет, в которых говорилось о необходимости применения насилия. Запугивание насилием в случае возникновения какого-либо конфликта — было обыкновенным явлением в то время. Особенно часто это повторялось на "диком западе," где револьвер и динамит считались такой же принадлежностью человека, как обыкновенная палка или перочинный ножик. В газетах открыто печатались объявления о продаже огнестрельного оружия, а некоторые газеты давали даже рецепты изготовления бомб. Во время выборов запугивание насилием никого не удивляло: оно составляло, так сказать, часть предвыборной кампании. Одним словом, угроза насилием в то время была почти то же самое, что угроза насадить синяки под глазами.

Никто, однако, за это не привлекался к ответственности. Не посадили бы на скамью подсудимых и анархистов, если бы они не стояли за улучшение положения рабочих. Положение рабочих все еще оставляет желать много лучшего, но 70-80 лет тому назад оно было во много раз хуже нынешнего. Объединения рабочих находились лишь в зародыше; рабочие действовали в большинстве случаев в одиночку, вследствие чего они были совершенно бессильны перед произволом хозяев. Безработица, как назойливая муха, неотстанно вилась над головою рабочего. Как средство для преодоления этого страшного бича и зародилась идея о 8-ми часовом рабочем дне. Рабочие полагали (и вполне правильно), что чем меньшее количество часов они будут работать, тем большее количество рабочих хозяин должен держать на фабрике. Само собой понятно, что сочетание этого принципа солидарности (требование признания 8-ми часового рабочего дня для того, чтобы этим помочь другим) с рабочим праздником Первого Мая было вполне логично и правильно. И вот 1-го мая 1886 года рабочие заявили: "Не будем работать пока не будет установлен 8-ми часовый рабочий день."

Чикаго, как наиболее индустриальный центр, оказался в этом отношении впереди других городов. И по своему количеству и по твердости требований чикагские рабочие шли в авангарде этого трудового парада. На них-то главным образом и полетели скорпионы из буржуазного лагеря. "Бастующих нужно посадить на патронную диету" — писала желтая пресса. "Пусть понюхают смельчаки пороху" — вторили "благородные мужи" из среды разных "королей" — стальных, лесных, свиных и т. д. От слов угроза не замедлила перейти к делу. (Блюстители порядка тут не видили никакого насилия.) Как только бастующие стали собираться у завода Мак Кормика (чтобы опровергнуть ложное заявление администрации, что, дескать, на ее заводе никто не бастует), — против них были двинуты наемные стражники (пинкертоновцы) и полиция. Замелькали в воздухе дубинки, послышались вопли, брань, стоны и т. д. Несколько человек оказались изувеченными, остальные — разогнаны. Как протест против этой жестокой расправы и был созван 4-го мая на Сенной площади митинг.

Таким образом, Чикагская Драма—один из эпизодов классовой борьбы. Зародилась она исключительно на почве требований лучших условий труда.

Надо сказать, что все то, чего требовали рабочие в 1886 г., достигнуто полностью, — даже с "перевыполнением," т. е. рабочие теперь имеют больше, чем требовали. Ни 8-ми часовый рабочий день, ни объединение рабочих в профессиональные союзы не причинили предпринимателям ни малейшего ущерба.

70-80 лет тому назад предприниматели, однак, на это смотрели иначе. Им казалось, что если рабочие объединятся, если они начнут действовать как один человек, то им, предпринимателям, будет "капут." Это до известной степени подтверждалось и теорией Маркса, трактовавшей, что предприниматели, создавая пролетариат, тем самым создают своих могильщиков. Поэтому первейшей задачей предпринимателей стояло — не признавать объединения рабочих. Рабочие, конечно, могли объединяться по месту жительства, могли создавать и другие объединения, но все это должно было быть вне фабричных стен. На фабриках рабочие должны были оставаться неорганизованной массой, развязанным веником, которого по одному прутику легко было ломать. И так как анархисты всегда были страстными сторонниками объединения рабочих, доказывая, что улучшение положения рабочих — дело са-

мих рабочих, то вполне понятно почему предприниматели считали анархистов своими злейшими врагами, и почему они, когда дело в 1886 г. дошло до открытой забастовки, в первую очередь постарались избавиться от анархистов. Для этого и был спровоцирован взрыв. Некоторые лица еще и теперь анархистов иначе не представляют, как с длинной бородой и с большой бомбой в руках, в восьмидесятых же годах прошлого столетия буквально все анархисты, по описаниям буржуазных идеологов, ходили опоясанные бомбами. И если где случался взрыв, то, конечно, никому не стоило большого труда приписать его анархистам.

Вернемся, однако, к митингу на Сенной площади. Так как митинг был созван с целью выражения протеста против избиения рабочих, то вполне естественно было ожидать некоторых резкостей в речах ораторов. Протестовать без резких выражений иногда, ведь, невозможно. Присутствовавший на митинге городской голова В. Харрисон не нашел, однако, в речах ораторов ничего опасного. Если и вспыхивали иногда резкости, то сравнительно редко. Под конец митинга начал накрапывать дождик и Харрисон вместе со своей свитой оставил Сенную площадь. В это время и было развязано то, что, повидимому, было заранее заготовлено: из ближайшего полицейского участка двинут отряд полицейских, на пути следования которых и взорвалась злополучная бомба. Таким образом, если тут нужно было кого-нибудь судить, то в первую очередь начальника полиции, пославшего без всякой надобности на Сенную площадь полицейских. Но за спиною начальника полиции стояли те, кому нужны были козлы отпущения и кто всеми силами старался пресечь в самом корне начавшееся среди рабочих движение за 8-ми часовый рабочий день и за право вхождения в профессиональные союзы.

Обыкновенно митинг, если он таит в себе опасность, разгоняется в самом начале, а не в конце, когда произносится последние слова ораторов, и когда собравшиеся сами, без разгона, собираются расходиться. Уже из одного этого видно, что тут была подтасовка. Впрочем, доказывать теперь непричастность анархистов к взрыву бомбы нет никакой надобности. Это уже давно доказано и не кем иным, как губернатором штата Иллиной, Дж. Альтгельдом, освободивщим из тюрьмы Фильдена, Шваба и Нибе, которые тоже обвинялись по тому же делу, но были приговорены не к смертной казни, а к тюремному заключению, — первые двое к пожизненному, а Нибе — к 15-ти годам. Если бы взрыв бомбы был, в самом деле, делом анархистов, то нет сомнений, что не только Фильден и Шваб, но и Нибе так скоро не были бы освобождены.

С казнью анархистов, однако, не было убито требование рабочих об улучшении условий труда. Рабочие продолжали добиваться того, за что погибли анархисты, и в конце концов полностью все это получили. Увы, полученное рабочими — лишь оболочка, шелуха, лишенная содержания. Почти все рабочие теперь организованы и имеют мощные союзы; никто не работает больше 8-ми часов (иногда даже меньше), но дело освобождения рабочих от этого нисколько не подвинулось вперед, а в некоторых отношениях даже затормозилось. Прежде рабочий имел одного хозяина, а теперь имеет двух — одного на фабрике, а другого в юнионе. Недавнее расследование финансовых операций главы юниона возчиков показало, как трудно иногда бывает установить, где кончается хозяин фабрики, а где начинается хозяин юниона. Юнионные лидеры, получая 50,000 долларов в год, помимо дополнительных сумм на покрытие расходов, под стать любому капиталисту. У них может быть несколько домов в городе, несколько дач в разных местах страны, автомобиль, а то и два, шофер, прислуга в доме, а на службе — целый штат служащих. Их психология — чисто предпринимательская. Свои капиталы они размещают в доходные дела, поэтому они, как показало расследование главы юниона возчиков, самые обыкновенные дельцы-буржуа. В одном месте эксплоатируют рабочих, присваивая прибавочную стоимость, в другом — взимая членские взносы.

С этой точки зрения Чикагская Драма уже не драма, а трагедия. Принесенные жертвы — напрасные жертвы. Но, конечно, пожертвовавшие собою тут не при чем. Им ведь и в голову не приходило, что то, за что они отдают свою жизнь, превратится в антирабочее дело. Никто тогда об

этом не мог подумать; никто не мог предвидеть, что из недр профессиональных союзов выйдет всесильная бюрократия. Тогда многим казалось (да и теперь кажется), что рабочие, объединяясь, достигнут этим больших побед. Во-первых, будет положен конец произволу хозяев, во-вторых, — улучшено материальное положение, в-треьих — поднято на должную высоту социально-человеческое сознание, в-четвертых — оценен по достоинству благородный навык самодеятельности. Ничего этого не случилось. За исключением некоторого материального улучшения, рабочие все еще пребывают у разбитого корыта. Произвол хозяев заменен произволом юнионной бюрократии; вместо подлинного человеческого сознания господствует обыкновенное тяготение к материальным благам и удовлетворению чисто плотских прихотей (в этом, так сказать, и заключается смысл жизни); самодеятельносств не выходит из семейного круга. Не хотелось бы об этом вспоминать в 70-ю годовщину казни чикагских анархистов, но это—факт, и замалчивать его—еще хуже, чем говорить о нем.

Итак, за что же были казнены наши товарищи? За то, что они, будучи анархистами, требовали улучшения положения рабочих. Здесь два слагаемых: 1) анархизм и 2) требование улучшения условий труда. Каждое из них порознь нежелательно сильным мира сего, если же они сочетаются вместе, тогда нет места человеку в современном обществе. Но так как выступление в защиту униженных и обиженных — акт чисто гуманный, высшего морального свойства, и так как судить за это человека решится лишь последний маньяк, потоэму и был сфабрикован взрыв бомбы на Сенном площади. Кем взрыв был сфабрикован — не трудно убедится (конечно, теми, кому во что бы то ни стало хотелось избавиться от анархистов), но кем и как он был приведен в исполнение — до сих пор остается загадкой.

Колокольцев

ВОЛЬТЕРИНА ДЕ КЛЭЙР

1866—1912

Американцы очень гордятся своей Декларацией Независимости, но мало задумываются над тем, какие логические выводы отсюда вытекают. Обыкновенно считается, что Декларация Независимости — это отказ от подданства английскому королю. Фактически это — так, но это еще не все. Отказ от подданства лишь предлог для создания Декларации Независимости, но не вытекающие отсюда выводы.

Уже самое название — Декларация Независимости — свидетельствует, что ее авторы очень дорожили свободой. Собственно говоря, для ограждения этой свободы и была написана Декларация. Люди, подобные Джефферсону, имели все основания опасаться, что заигравшая всеми переливами радуги свобода может быть заглушена не только королевской властью, но властью вообще, т. е. всякой властью. Вопрос о центральной власти, поэтому, считался кардинальным вопросом. Впрочем, речь шла не о том — нужна ли власть, а о том — каковы должны быть прерогативы этой власти. Отцы независимости были настороже: как бы не попасть из огня да в полымя, т. е. из полного подчинения одной власти в полное подчинение другой.

В основу государственного строя, поэтому, была положена не абсолютная центральная власть, а автономия составных единиц (штатов) Союза. Не целое, а отдельные части приковывали к себе внимание строителей нового государства. Это до известной степени идентично анархическому "снизу вверх."

Федерализм можно рассматривать не только в территориальном смысле, но и в смысле гражданском, если позволительно так выразиться. Составная единица общества, в конечном итоге, не штат, даже не уезд или волость, а ЧЕЛОВЕК. С "человека" и начинается Декларация Независимости. Каждый человек, гласит Декларация, создан равным, с одинаковыми правами на жизнь. Ограждение этих прав, т. е. свободы каждого человека и является духом Декларации — этого стража против тирании.

Вот логические выводы из Декларации Независимости. Человек должен быть свободным. Не человек для власти, а власть для человека.

Вообще, совпадение анархизма с американскими традициями в период зарождения республики весьма заметно, о чем свидетельствует статья Вольтерины де Клэйр, ниже помещаемая (с некоторыми сокращениями).

Следует сказать хоть несколько слов об авторе этой статьи.

Имя Вольтерины де Клэйр до того тесно связано с казненными чикагскими анархистами, что его нельзя обойти молчанием, когда речь заходит о последних. Когда разыгралась Чикагская Драма, де Клэйр еще не была анархисткой. Как и большинство обывателей, она верила всему, что писалось в буржуазных газетах. Поэтому, когда

облетела весть о взрыве на Сенной площади в Чикаго, де Клэйр машинально, нисколько не задумываясь, заявила своим собеседникам: "Этих анархистов нужно повесить." Ее слова, конечно, не дошли ни до прокурора, ни до присяжных заседателей, а если бы и дошли, то не имели бы никакого значения, тем не менее де Клэйр, став сознательным человеком, всегда испытывала угрызение совести из-за этих слов. Поэтому она, впоследствии, значительную часть своей жизни посвятила оплакиванию и воспеванию казненных. Никто столько не написал теплых слов о Чикагских Мучениках. Писала де Клэйр прозой и стихами, — писала длинные очерки и короткие заметки. Никто столько не проявил забот в уходе за памятником, поставленным Чикагской Федерацией Труда на могиле казненных. Наконец, сбылось последнее желание де Клэйр: она была похоронена рядом с казненными.

Вот почему, говоря о Чикагских Мучениках, нельзя не посвятить хотя бы несколько строчек и их сожительнице по кладбищу — Вольтерине де Клэйр. По этим соображениям, главным образом, мы и помещаем ниже статью де Клэйр, несмотря на то, что статья однажды уже была напечатана.

Следует отметить, кстати, что в этом году исполнилось 45 лет со дня смерти де Клэйр. Следовательно, этот год и для де Клэйр юбилейный год.

РЕДАКЦИЯ

●

Анархизм и Американские Традиции

Американские традиции, возникшие из религиозного бунта, в узких рамках маленьких самодовлеющих поселений и тяжелой пионерской жизни, развивались в продолжение колонизационого периода, на протяжении ста семидесяти лет, от основания Джемстоуна до Революции. Это была великая эпоха выработки конституции, время хартий, более или менее гарантировавших свободу. Смысл этих документов хорошо выразил Вилльям Пенн, говоря о хартии для Пенсильвании: "Я хочу отнять и у себя, и у моих преемников возможность делать зло."

Революция была всеобщим и внезапным осознанием этих традиций, их провозглашением во всеуслышание, ударом, нанесенным непокорной волей — враждебной силе тирании, которая никогда уже не в состоянии была оправиться от этого удара. Но с тех пор и до сего времени тирания не переставала изменять и переделывать орудия правительственной власти, те самые, которые Революция хотела преобразить и удержать для защиты свободы.

Для среднего американца наших дней Революция означает ряд сражений, в которых армии патриотов сражались с армиями Англии. Миллионы школьников в наших народных школах обучаются умению рисовать карты осады Бостона и Йорктоуна, понимать общий план разных кампаний, называть цифры сдавшихся военнопленных. От них требуют, чтобы они называли числа, когда Вашингтон перешел Делавар по льду, чтобы они "помнили о Паоли," повторяли "вдову Молти Старк," называли бы генерала Вэйни "безумным Антони Вэйни" и презирали бы Бенедикта Арнольда. Школьники знают, что Декларация Независимости была подписана 4 июля 1776 года, а Парижский договор — в 1783. Они думают, что изучили Революцию — да будет благословен Джордж Вашингтон! Они не задумываются о том, почему говорят "революция," а не "война с англичанами." Так ее называют, вот и все. А почитание имен у детей и у взрослых так владеет ими, что выражение "Американская Революция" стало священным, хотя для них оно означает всего только победу силы, тогда как слово "Революция," выражающее более широкие возможности, стало ненавистным и пугающим призраком. И в том, и в другом случае это слово содержит для них только представление о вооруженной силе. Давно уже случилось то, что Джефферсон предвидел, когда писал:

> "Дух времени может измениться и изменится. Наши правители станут развращенными, а народ безпечным. Любой фанатик может стать угнетателем, а лучшие люди — его жертвами. Надо как можно чаще повторять, что закрепление каждого существенного права на законном основании должно совершаться в такое время, когда наши правители еще честны, а мы сами — едины. После окончания этой войны мы начнем скатываться вниз. Тогда уже не будет более необходимости ежеминутно прибегать за помощью к народу. Поэтому он будет забыт, а его правами будут пренебрегать. Народ будет целиком поглощен добыванием денег и навсегда перестанет думать о том, чтобы объединиться и внушить уважение к своим правам. Таким образом, цепи, оставшиеся не разорванными при окончании этой войны, будут становиться все тяжелее и тя-

желее, пока наши права не оживут или не умрут в судорогах."

Людям того времени, выражавшим дух того времени, сражения их казались малой долей Революции, мимолетными случайностями, с которыми они имели дело, как с частью игры, в которую они играли. Но цель, которую они имели в виду до, во время и после войны, была настоящая Революция — изменение политических учреждений, которое должно было превратить правительство из высшей власти, стоящей над народом с бичом в руках, в услужливого агента, ответственного, бережливого и заслуживающего доверия (однако, не настолько, чтобы не нужно было постоянно следить за ним), для выполнения задач, представляющих общий интерес, и для того, чтобы определять те границы, перейдя которые свобода одного человека нарушает свободу другого человека.

Таким образом, исходной точкой их поисков правительства с наименьшей возможной властью была та же социологическая почва, на которой современный анархист строит свою безвластническую теорию, а именно: принцип, что политическим идеалом является равная свобода.

Среди основных черт сходства Революционных Республиканцев с Анархистами надо указать правило, что малое должно предшествовать великому, — что местное должно быть освновой общего, — что федерация может быть свободна только в том случае, если свободны входящие в нее коммуны, — что дух этих коммун проникает в советы федерации, и местная тирания может, таким образом, стать орудием всеобщего порабощения. Убежденные в том, что главная задача состоит в удалении из муниципалитетов тираннических учреждений, наиболее ревностные защитники независимости, вместо того, чтобы сделать центром своей деятельности генеральный конгресс, посвятили свои силы местным учреждениям. Они старались вытравить в умах своих соседей и друзей-колонистов идеи наследственной собственности, государственной церкви, классового деления народа и африканского рабовладения. Хотя они во многом и потерпели неудачу, все-же именно им мы обязаны теми свободами, которые сохранились, а не центральному правительству. Они пытались развить дух местной инициативы и независимого действия.

Итак, в то время американская традиция считала, что частная инициатива лучше всего справляется со всеми задачами, которые ей по силам. Анархизм же считает, что частная инициатива, как личная, так и групповая, может справиться с любыми общественными задачами. Он указывает особенно два примера, просвещение и торговлю, заведывание которыми взяли на себя штатные и федеральное правительства Соединенных Штатов. В этих двух областях правительства сделали больше для уничтожения американской свободы и равенства, для извращения и искажения американской традиции, для превращения правительственной власти в мощные орудия угнетения, чем в каких бы то ни было других областях, за исключением промышленности с ее непредвиденно-быстрым развитием.

Намерением революции было создать систему всеобщего образования, одним из важнейших отделов которого было бы преподавание истории, — не для того, чтобы обременять память нашей молодежи датами сражений и именами полководцев, а для того, чтобы каждый американец знал, до какого состояния был доведен народ действием некоторых учреждений, какими путями удалось добыть свободу, и как эти свободы опять и опять были отнимаемые путем применения государственной власти, подлогов и привилегий. Не для того, чтобы воспитывать беспечность, самохвальство, самодовольство, пассивность по отношению к "своему" правительству, а для того, чтобы внушить бдительное недоверие, постоянный надзор за правителями, решимость помешать всяким попыткам их покуситься на личную свободу граждан — таково было основное намерение революционеров в их стараниях организовать народное просвещение.

Возьмите в наше время любой учебник истории и вы увидите, много-ли осталось в нем от этого духа. Напротив, с первой страницы до последней вы найдете только дешевый патриотизм, стремление внушить полную готовность одобрить все действия правительства, восхваление беспечности, покоя и доверия, — доктрину, что закон не может быть неправ, благодарность за постоянные нарушения прав штатов вла-

стью центрального правительства, позорное извращение всех революционных выступлений с целью оправдать правительство и обвинить революционеров, словесный фейерверк для прославления единения, власти и силы, и полное пренебрежение по отношению к важнейшим свободам, укрепить которые было целью революционеров. Закон против анархистов, принятый после смерти Мак-Кинлея, восхваляется как мудрая предусмотрительность нашего всевидящего ока в Вашингтоне.

Таков дух организуемых правительством школ. Спросите любого ребенка, что он думает о восстании Шейса, и он ответит: "Некоторые фармеры не могли платить налогов, и Шейс повел восставших к зданию суда в Ворчестере, чтобы сжечь документы; когда Вашингтон узнал об этом, он послал сейчас же армию и проучил их." "А чем все это кончилось?" "Чем кончилось? Это кончилось тем, что — о, да! теперь вспоминаю — все тогда увидели, что необходимо сильное федеральное правительство для сбора налогов и уплаты долгов." Спросите ребенка, знает-ли он о другой стороне этой истории, знает-ли он, что люди, отдавшие свое добро, свое здоровье и все силы для освобождения своей страны, оказались брошенными в тюрьму за долги; больные, неспособные к труду, нищие, они увидели перед собой новую тиранию вместо старой. Спросите, знает-ли ребенок, что они требовали, чтобы земля стала общим свободным достоянием тех, кто желал обрабатывать ее, — и ребенок ответит: "Не знаю." Спросите его, читал-ли он письмо Джефферсона к Мэдисону, в котором он говорит:

> "Общества существуют в трех легко различимых формах. 1. Без правительств, вроде наших индейцев. 2. Под властью, на которую воля каждого имеет надлежащее влияние, как, например, в малой степени в Англии, а в большой степени — в наших Штатах. 3. Под властью силы, как во всех других монархиях и в большинстве других республик. Чтобы иметь представление о бедствиях в этих последних, их надо видеть. Это — власть волков над овцами. Мне еще не ясно, не является-ли первая форма власти наилучшей. Но я считаю ее несовместимой с значительным населением. Вторая форма власти заключает в себе много хорошего... Она имеет также свои дурные стороны, важнейшая из которых — народные волнения... Но даже это зло ведет к добру. Это зло препятствует вырождению правительства и поддерживает общественный интерес к государственным делам. Я считаю, что маленький бунт от времени до времени—хорошая вещь."

Спросите любого школьника, учили-ли его тому, что автор Декларации Независимости, один из величайших организаторов народной школы, сказал все это — и он посмотрит на вас с открытым ртом и недоверчивым взглядом. Спросите его, слышал-ли он когда-либо, что человек, который взял бодрую ноту в самый мрачный час кризиса, который поднял дух солдат там, где Вашингтон видел только бунт и отчаяние, что этот самый человек написал также: "Правительство, в лучшем случае, только необходимое зло, в худшем — невыносимое зло." Если школьник лучше осведомлен, чем большинство других детей, то он ответит: "О, в таком случае, это был ослушник!"

Таковы плоды правительственной школы. Мы, анархисты, указываем на них и говорим: "Если те, кто добывается свободы, хотят, чтобы дети обучались принципам свободы, пусть не доверяют этого дела правительству, ибо природа правительства в том, что оно становится учреждением, существующим ради себя самого, обирающим народ и обучающим тому, что помогает ему крепче сидеть на своем месте. То, что отцы говорили о правительствах Европы, то мы говорим о нашем правительстве: 'Кровь народа стала его наследием, и те, кто жиреет на нем, не легко отдадут свою добычу'."

В американскую традицию входила обособленность штатов. Тогда говорили: мы завоевали свободу путем тяжких жертв и борьбы не на живот, а на смерть. Теперь мы хотим, чтобы нас оставили в покое и мы оставим других в покое, и пусть нашим принципам дано будет время для испытания. Мы хотим приучиться к пользованию нашими правами, хотим быть подальше от опасности заразиться страстью к европейским парадам, зрелищам и отличиям. Так высоко ценили они отсутствие всего этого, что могли с полной искренностью писать: "Мы увидим множество примеров, когда европейцы будут приезжать в Америку, но никогда живой человек не увидит примера, чтобы американец переселился в Европу и там остался." Увы, менее чем через сто лет высшей целью любой "Дочери Американской Революции" стало — и остается

— купить замок, титул и какого-нибудь захудалого лорда, за деньги, выжатые из американских рабов. А торговля Америки стремится к господству над миром.

В ранние дни восстания и независимости казалось, что Америке суждено быть земледельческой нацией, обменивающей сырые продукты на промышленные изделия. "Мы будем добродетельны до тех пор, пока земледелие будет нашим главным занятием, а это будет продолжаться до тех пор, пока в какой-нибудь части Америки будет еще оставаться свободная земля. Когда мы станем громоздиться друг на друга, как в Европе, мы станем развратны как Европа, станем пожирать друг друга, как это там делают." Это мы теперь и делаем, в силу неотвратимого развития торговли и промышленности, а с ними и сильного правительства. Исполнилось также и другое пророчество: "Если эта обширная страна когда-нибудь будет подчинена единому правительству, она станет местом самого широкого распространения подкупности, равнодушия, ибо невозможна добросовестная опека над столь обширным пространством." На всем земном шаре нет теперь правительства, столь бесстыдно развращенного, как правительство Соед. Штатов Америки. Есть более жестокие, более тираннические, более разрушительные, но нет столь продажного.

***

Стремление каждой нации теперь — стать индустриальной, промышленной нацией, вывозящей изделия, а не ввозящей. Если это направление будет следовать путем своей собственной логики, то оно должно обойти круг и вернуться к строю коммун, производящих для самих себя. Что станет тогда с избытком производства, если у промышленника не будет иностранного рынка? Человечество станет перед дилеммой: медленно умирать среди изобилия или конфисковать продукты.

Этот вопрос отчасти стоит перед нами и теперь; и мы только опускаем руки и умираем. Я думаю, однако, что люди не всегда будут это делать. Если же они когда-нибудь преодолеют свое уважение к собственности и свой страх перед властью, они дойдут до сознания, что вещи назначены для употребления, и что, таким образом, люди важнее, чем вещи. Это может поднять дух свободы.

Если, с другой стороны, стремление упростить машины, совместить их преимущества с менее крупными группами рабочих, также будет идти своим собственным путем, то крупные промышленные центры разобьются, население также разделится соответственно, и тогда мы увидим не ранние коммуны колонистов, с трудом поддерживающие свою жизнь и обособленные, а тысячи малых коммун, вытянувшихся по путям передвижения, производящих каждая для самой себя, зависящих только от себя и, следовательно, способных к независимой жизни.

Наши отцы думали, что они предупредили возможность появления постоянной армии путем организации добровольной милиции. В наши дни мы дожили до объявления этой милиции частью постоянной регулярной армии Соед. Штатов, подчиненную тем же правилам, что и регулярная армия. Следующее поколение увидит, вероятно, членов этой милиции на постоянном жалованьи у центрального правительства. Так как всякое воплощение воинственного духа, всякая военная организация неизбежно развивается по той же линии централизации, то логика анархизма говорит, что наименее вредной формой вооруженной силы является та, которая возникает добровольно и распускается тотчас после того, как миновала необходимость в ней, — что действительно желательным является такое положение, при котором все люди — а не только американцы — будут жить мирно, — и что для достижения этого все мирно настроенные люди должны отказать армии в своей поддержке и потребовать, чтобы все, кто воюет, воевали-бы за свой собственный страх и риск, — и чтобы ни плата, ни пенсии не давались тем, кто избрал братоубийство своим ремеслом.

Что касается американской традиции невмешательства, то анархизм требует, чтобы эта традиция проводилась и в жизни отдельных людей. Он не требует разделяющих людей преград, он знает, что такое отделение людей друг от друга нежелательно и невозможно, но он учит, что если все люди будут заниматься только своими делами, то возникнет гибкая общественная организация, свободно приспособ-

ляющаяся к взаимным нуждам, и весь мир будет принадлежать всем людям, поскольку каждый будет иметь нужду или желание.

И когда современная революция будет таким образом доведена до сердца всего мира — а я надеюсь, что это будет — тогда мы сможем надеяться на возрождение того гордого духа наших отцов, который ставил простое достоинство человека выше богатства и знатного происхождения и считал, что быть американцем значит больше, чем быть королем.

В тот день не будет больше ни королей, ни американцев, — будут только люди. По всему лицу земли — ЛЮДИ.

Вольтерина де Клэйр

***

● ЗАЯВЛЕНИЕ: **Из-за недостатка места статья, посвященная Сакко и Ванцетти, которая должна была здесь начинаться, отложена до следующего номера. По тем же причинам не вошли в этот номер статьи следующих авторов: П. Кропоткин, Л. Липоткин, Иван Беззубый, Б. Еленский, Ю. Капернаумов, Лев Грозный, Гр. Е—ский и др. Все эти статьи уже набраны.**

ПРИЧИНЫ ВОЙН И УСЛОВИЯ МИРА

Эта статья является извлечением из докладов, написанных проф. П. А. Сорокиным еще тогда, когда гремели пушки—в 1943 г. и напечатанных в "Н. Ж." Отсюда вполне понятно почему статья носит сугубо академический характер.—РЕД.

Основой внутреннего социального мира является наличие в обществе полной, твердо вошедшей в жизнь сисстемы фундаментальных ценностей и соответственных им норм поведения. Основные ценности отдельных частей общества должны гармонировать как между собою, так и в отношении всей системы социальных взаимоотношений.

Основой международного мира является наличие в каждом из действующих обществ хорошо объединенной и усвоенной системы высших ценностей и соответственных норм, при чем эти системы высших ценностей должны быть совместимы друг с другом.

Совместимость различных систем высших ценностей — прочнейшая база всеобщего мира. Когда этой совместимости нет, когда гармония и согласованность ослабевают — увеличиваются шансы международной или гражданской войны.

В связи с этим необходимы некоторые пояснения. Нас интересуют высшие, а не второстепенные ценности данного общества. Как правило, они состоят из основных нравственно - юридических, религиозных, научных, экономических, политических и эстетических понятий. Это, однако, не мешает различным обществам выдвигать религиозные или экономические, или политические ценности на первое место среди равных. Несмотря на конкретные различия от общества к обществу и от эпохи к эпохе, эти ценности в общем остаются основными.

Нас интересует не та или иная ценность, но система всех основных ценностей. Там, где основные ценности усвоены и воплощены, они составляют единую систему взаимодействия и взаимозависимости. Когда одна из основных ценностей общества становится несовместимой с некоторыми главными ценностями другого общества, вся система одного становится несовместимой с системою другого. Наступает напряженное состояние.

Под усвоением высших ценностей разумеется их смыслово-причинная взаимозависимость; они логически и эстетически последовательны, выражают те же идеи, принципы и нормы различными путями; в случае существенного изменения одной из них, все другие тоже терпят изменения.

Наконец, нас интересует совместимость систем высших ценностей, а не их сходство, слитность или тождество. Системы высших ценностей могут быть различны, но это не означает несовместимости. В современном обществе граждане принадлежат к различным религиям, имеют разные вкусы и разные политические идеи, однако это разнообразие еще не ведет к гражданской войне.

***

Эти положения подтверждаются, положительно и отрицательно, повторяющимся единообразием исторического процесса, что существеннее отдельных фактов. Начнем с отрицательных доказательств, т. е. единообразия, с каким войны возникают или увеличиваются, когда ослабевает единство и усвоение высших ценностей и их совместимость. Если ослабление происходит среди частей или членов данного общества, результатом является гражданская война. Если ослабление усвоенности и гармонии касается систем ценностей различных обществ, результатом является международная война.

Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного бощества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контр-революционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения.

Когда глубокое изменение в системе высших ценностей происходит только в одном или нескольких обществах, связанных между собой, не затрагивая одновременно остальных, эти остальные неизбежно втягиваются в состояние войны. Иллюстрацией может служить история религий. Религиозная революция Ахенатона в древнем Египте вызвала сначала гражданскую, а затем международную войну. Распространение буддизма в Индии, возникновение христианства и его дальнейшее развитие в Европе сопровождались бесчисленными войнами. История повторялась несчетное число раз с удивительным однообразием. Если перемена происходила в области политических или политико-экономических ценностей, конфликт принимал форму политической или политико-экономической революции. Когда перемены были достаточно радикальны, они сопровождались "революционными войнами" с нереволюционными соседями. Войны Кромвельской, Французской, Русской и Нацистской революции служат типичной иллюстрацией этого единообразия.

Увеличение войн связано с ускоренением общественно-культурных перемен в данной группе взаимодействующих обществ. Это особенно верно в отношении Запада в течение последних пяти столетий. Не ускорение, конечно, является подлинной причиной. Если оно происходит планомерно и однообразно во всех обществах, совместимость высших ценностей не нарушается, и нет причин для внутренних или внешних войн. Тому свидетельство быстрый рост перемен в Европе и Америке втечение второй половины 19-го века. Опасность возникает тогда, когда не все общества меняются с одинаковой быстротой, и прежняя совместимость ценностей между ними нарушается.

Кривая войн в истории Греции, Рима и европейских стран с 6-го века до Р. Х. по наше время обнаруживает неперерывный рост войн, в процентном отношении жертв к общему числу населения, в периоды радикального изменения высших ценностей в человеческом обществе. Не входя здесь в подробности, мы можем подвести итог европейским войнам в целом, с 12-го века по 1925 год. Кривая начинает медленно подниматься в 13 и 14 веках, быстрее в 15 и 16 и достигает вершины в 17-ом, затем она слегка спускается в 18-ом, еще больше в 19-ом, хотя и дает некоторый скачок на рубеже веков, но в 20-ом веке она сразу вскакивает до пункта, не превзойденного за все 25 веков истории западной цивилизации.

Это вполне совпадает с высказанным выше положением. Период с конца 12-го и по 17-й век был временем глубокого изменения европейской системы ценностей, идеократия сменялась чувственной эпохой, средневековая религиозная культура — светской. Ценности мельчали, становились относительными, теряли силу устойчивости. Несовместимость их — среди индивидуумов, групп и государств — возрастала, а с этим одновременно росло число международных и гражданских войн во всей Европе. Но с 17-го века усвоение новой общей системы ценностей (светской) способствовало понижению кривой на протяжении 18-го и 19-го веков. Временный скачок на рубеже этих двух столетий был ликвидацией последних остатков феодальной и идеократической эпохи. В 19-ом веке светская культура и общественный порядок достигли зенита, индекс войн упал до

минимума. Но с начала 20-го века мы наблюдаем стремительную дезинтеграцию светской культуры. Все ее ценности мельчают и становятся относительными до такой степени, что ни одна уже не имеет общего признания. Брак, частная собственность, Бог — эти ценности колеблются, оспариваются, обращаются в прах. Общественная разноголосица достигает крайнего выражения. Нет ни одной ценности, которая связывала бы одинаково гитлеровцев и негитлеровцев, большевиков и капиталистов, бедных и богатых, верующих и атеистов. В результате все ценности теряют сдерживающую силу. Возрастает число людей, движимых похотью, эгоизмом, биологическими побуждениями. Грубая сила и обман становятся главными нормами поведения.

Это несоответствие ценностей вместе с огромным развитием личных, групповых и международных интересов привело неизбежно к небывалому взрыву гражданских и внешних войн. Мы живем в самом кровавом веке за 25 веков человеческой истории.

Положительные доказательства могут быть распределены в том же порядке.

Во всех странах минимум войн и максимум мира падает в точности на период высшего координирования и усвоения системы основных ценностей и ее распространения на все группы и государства, находящиеся в общении. Так было в Греции в 6-ом и 2-ом веках, в Риме в 4-ом веке до Р. Х. и втечение первых двух веков после Р. Х. Этим же объясняется сравнительно низкий показатель войн в Европе до 13-го века, когда христианская система ценностей была единой для всей Европы. В деталях это можно проследить на истории каждой отдельной страны, и, в частности, в моей "Динамике Общества и Культуры" собраны данные об Англии, Франции, России, Австрии, Италии, Испании, Нидерландах и Польше-Литве.

Минимум убийств и насилия также падает на периоды общего господства одной здоровой системы ценностей.

Это же в точности относится и к характеру карательных мер, налагаемых одной частью общества на другую, — когда ценности общепризнаны, эти меры гуманны; они становятся жестокими и кровавыми, когда ценности разлагаются и вступают в конфликт.

***

Длительный мир после этой войны (П. Сорокин имеет в виду вторую Мировую Войну.—Ред.) возможен только в случае, если причина войны будет устранена или сильно ослаблена. Большинство предлагаемых мер, однако, не касаются подлинной причины войны. Меры эти скорее укрепляют, чем ослабляют возможность войны, повторяя трагическую ошибку Версаля. Все попытки установить прочный мир пока что были безуспешны. Основные причины этой неудачи две: во-первых, объективно неблагоприятные обстоятельства; во-вторых, характер предлагавшихся мер, явно не соответствовавших своему назначению.

Объективно неблагоприятные обстоятельства состояли прежде всего в отсутствии достаточно широкого взаимодействия и взаимозависимости между частями человечества. Человечество не представляло организма, в котором народы, государства и большие общества зависели друг от друга. А без постоянной взаимозависимости, без социальных, экономических, культурных и иных ценностей, связующих человечество в одно целое, невозможна никакая международная организация. При таких обстоятельствах всякий план прочного всеобщего мира обречен на неудачу.

Добавочным объективным препятствием к миру являлось наличие множества своих интересов в каждом государстве, народе или общественной группе. Эти интересы мощно сопротивлялись всякой общественно-культурной перестройке мира, как бы ни была необходима эта перестройка. Планировщики мира находились, таким образом, в положении планировщиков идеального города, которым было бы запрещено сносить, менять и даже трогать существующие здания, исправлять кривые улицы и уничтожать места заразы. Никто не способен построить здоровый и красивый город при таких условиях. В лучшем случае можно подновить или перекрасить некоторые здания, но такое "обновление" не создаст нового города.

Второй основной причиной неудачи мирных планов было несоответствие предлагавшихся мер. Большинство планировщиков обольщают себя и других верой в то, что

достаточно подмалевать и переделать фасад нескольких общественных и политических учреждений, чтобы выросло величайшее здание, Храм Вечного Мира. Так пытались поступить после первой Мировой Войны. Результаты известны. Повторение тех же мер, хотя бы и в новом издании, приведет не к прочному миру, а к новым войнам еще более страшным чем нынешняя.

Для прочного и длительного мира необходимо следующее: во-первых, основной пересмотр и переоценка большинства современных культурных ценностей; во-вторых, действительное распространение и внедрение во все госудраства, народы и общественные группы системы основных норм и ценностей, связующих всех без различия; в-третьих, ясное ограничение суверенности всех государств в отношении войны и мира; в-четвертых, учреждение высшего международного органа, обладающего правом окончательных решений во всех международных конфликтах.

Первым важным шагом является установление целостной системы основных высших ценностей, чтобы прекратить современную умственную и моральную распущенность. Процесс обобщения и универсализация ценностей и соответственных норм поведения должны энергично преодолеть происходящую атомизацию и релятивизацию ценностей. Чисто материальные ценности, не подчиненные сверх-чувственным, духовным ценностям, не могут быть всеобщими. Они могут только атомизироваться бесконечно. Таким образом, переоценка нынешних чувственных норм и соединение их с более духовными принципами, как конечной ценностью, становятся неизбежными. Ноебходим глубокий умственный и нравственный переворот, чтобы сделать господствующим дух более идеалистичным и возвышенным. Те, кому эти термины не нравятся, могут заменить их более нейтральными, как категорический императив, безусловный общественный долг, и тому подобное. Когда данная норма поведения становится обязательной и священной, она превращается в трансцендентальную ценность, возвышающуюся над соображениями пользы и удовольствия.

Без организации нравственной общности прочный мир невозможен, какие бы экономические или политические реформы мы ни предпринимали. Нет таких договоров или обязательств, которые могли бы связать стороны, проникнутые цинизмом, заносчивостью, свободные от категорического императива предписанных норм и ценностей. Если не Нагорная Проповедь, выражающая высшие нравственные ценности человечества, то хоть нечто приблизительное в императивной форме: "Не делай другим того, чего себе не желаешь" и "Делай для других то, что ты желаешь, чтобы другие делали для тебя," должно быть провозглашено и должно глубоко запечатлеться в сердцах, мыслях и поведениях всех людей, народов и руководителей прежде, чем длительный мир может действительно установиться.

Не будем останавливаться на деталях, существо задачи ясно. Все проекты прочного мира, пренебрегающие нравственными началами, считающие их второстепенной подробностью, обречены неизбежно на неудачу. Без этого — без минимума нравственной ответственности — мир невозможен. Нельзя ожидать длительного спокойствия между жуликами и гэнгстерами, какие бы договоры, пакты и ковенанты они между собой ни заключали.

Все торжественные фразы на счет демократии и демократического строя являются в сущности пустыми или лицемерными формулами. Современные демократии, лишенные нравственных принципов, есть ни что иное, как эгоистические, развращенные, хищнические политические машины не лучше любой тиранической автократии.

Весьма важным условием длительного мира является ограничение суверенности всех государств в вопросах, касающихся войны. Правительства всех государств должны быть лишены права объявлять войну на том же основании, на каком этого права лишены торговые палаты, университеты и иные общественные учреждения. Пока будут существовать государства суверенные в этих вопросах, с их более чем несовершенными правительствами, войны неизбежны. Тем более это верно в отношении современных государств-левиафанов с их бездарными, часто циничными, еще чаще эгоистичными и, как правило, близорукими правительствами. Суверенность государств должна быть заменена высшим международным органом, стоящим

над государствами и заключающим в себе не только политических представителей, но и представителей религии, науки, искусств, земледелия, промышленного труда и хозяйства.

Если в прошлом эта универсальность могла казаться невозможной по техническим причинам, то теперь она вполне возможна. Человечество уже связано в одно целое множеством общественных, культурных, экономических, технических и политических уз. Всякое изменение в одной части огромного человеческого общества существенно затрагивает и другие части. Время изоляционизма, в широком смысле, кончилось безвозвратно. Мы живем и действуем, действительно, в едином мире. Независимо от наших желаний, невозможно установить прочный мир в одной стране, если он не установлен одновременно во всем мире. Невозможно построить счастливую, мудрую и благополучную жизнь, изолировав себя от остального человечества. Это означает, что база для мира — международная база, и что прочный и длительный мир возможен только на этой базе. Местные решения этого вопроса сейчас невозможны.

Таким образом, причины войн — нарушение совместимости высших ценностей, а условия мира — восстановление этой нарушенной совместимости высших ценностей. К сожалению, не все политические деятели заинтересованы в последнем. Мирная и тихая жизнь не по душе некоторым политическим деятелям. Война создает героев не только в стане военных, но и среди государственных деятелей. Многие ли знали бы о Клемансо или Ллойд Джордже, если бы не война? Единицы. Война же, ценою миллионов человеческих жизней и морями пролитой крови и слез, дала им мировую известность. Вследствие этого деятельность многих государственных деятелей направлена на нарушение международного равновесия, если это равновесие существует, а не на восстановлении его (равновесия), если оно нарушено.

Вот почему важно, чтобы судьбы мира находились не в руках кучки политических фехтовальщиков, а в руках всего человечества, в лице его лучших представителей науки, искусства, народного хозяйства и т. д.

П. Сорокин

Письмо из Австрии

С тех пор как стали уходить транспорты за океан с переселенцами, беженцами от большевизма, из лагеря уехали тысячи людей, но среди них меньше всего было венгров. В настоящее время венгерская группа является самой большой среди других национальных групп лагеря. Почему так получилось? Потому что венгры горячо и больше других надеялись и надеются на скорое возвращение на родину.

Когда радио и газеты принесли первые известия о революции в Венгрии, лагерная группа венгров пришла в сильное волнение, а вместе с ними заволновались лагерники других национальностей.

Информация в Австрии и Германии поставлена хорошо и каждые 2-3 часа все, кто мог, ловили по радио новости о кровавой драме, разыгравшейся в Будапеште и по всей Венгрии. Немедленно венгерская группа произвела сбор по всему лагерю на помощь восставшим; были собраны подержаные вещи, продукты, медикаменты и деньги. Многие венгры рвались на родину, желая быть в рядах сражавшихся за освобождение Венгрии от большевистского ига. Однако, Австрия, боясь нарушить свой нейтралитет, не разрешила добровольцам переход со своей территории.

В первые дни ноября, когда большевистский режим трещал по швам, в лагере было всеобщее ликование. Оживали надежды в лагерниках всех национальностей на скорое возвращение на родину. Но день 4-го ноября принес тяжелые известия о тотальном наступлении советских войск на восставший венгерский народ. Лавиной хлынули венгерские беженцы в Австралию, были дни, когда число беженцев доходило до 5,500 человек. Сейчас число беженцев снизилось до тысячи человек в день, а общее число беженцев достигло 160 тысяч. Австрия, с 7 миллионами населения, мужественно заявила, что примет всех, кто будет искать у нее убежища, и хорошо организовала прием беженцев.

Большинство беженцев из Венгрии — молодые парни пограничных раионов, спасавшиеся от репрессий и депортаций в СССР. Все подтверждали отсутствие в Венгрии всяких гражданских свобод и существование невыносимого гнета, толкнувшего венгерский народ на отчаянную борьбу против бронированного кулака русских большевистских захватчиков.

В заключение следует отметить, что все венгры, старые и молодые, утверждают, что вся молодежь, которую "коммунисты" старательно воспитывали в большевистском духе, чтобы она служила им опорой в борьбе против народа, первая восстала против большевистского режима.

Федор Герасимов

"CATHOLIC WORKER"

Орган христианских анархистов (католиков). Одинадцать выпусков в год. Подписка: 25 сентов в год. Цена отдельного номера 1 сент. Адрес:

223 Chrystie St., New York 2, N. Y.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ

Ни природа, ни люди не застрахованы от землетрясений, эпидемий, наводнений, ураганов и... революций. В отличие от игры стихийных сил в природе, политические, национальные и социальные революции — продукт доброй или злой воли людей, их заблуждений, пороков или добродетелей.

Английская революция 1639-1648 годов, оказавшая большое влияние на французов, была вызвана желанием передовых англичан освободиться от королевского самодержавия и владычества католической церкви, подавлявшей всех не только своей духовною властью, но и богатством (Ватикану доставалась большая часть доходов страны, чем королю).

Кромвелл казнил короля Карла I, превратил Англию в протестантскую страну, освободил ее от папизма и королевского деспотизма. Увлеченный успехом, он мечтал об уничтожении папизма во всей Европе, но роль протестантского мессии ему не удалась, хотя Англия благодаря ему и доныне остается самой свободной страною в мире.

Французская революция 1789-1793 г.г.— подражание английской и... американской. Французская конституция почти списана с Американской Декларации Независимости 4 июля 1776 года, гласившей, "...что всякий раз, когда какая нибудь форма правления оказывается гибельной для тех целей, ради которых она была создана, народ имеет право изменить или упразднить ее и создать новое управление, обосновав его на таких началах и придав власти такую форму, которые он найдет обеспечивающими безопасность и счастье..." Признание Францией молодой американской республики вызвало многолетнюю войну между Англией и Францией, и поставило последнюю в затруднительное финансовое положение (огромные расходы на сооружение морского флота).

Фанатическая вера Карла I в божественность своей власти и в неприкосновенность "помазанника Божия" привели его к эшафоту, и Кромвелл привел в исполнение свою угрозу "казнить короля с короною на голове." Этот устрашающий пример не сделал, однако, более уступчивым Людовика XVI, хотя он был хитрее Карла I и разыгрывал свою роль "благодетельного монарха" более искусно: позволил украсить себя революционною кокардою на шляпе и даже был провозглашен Национальным Собранием "другом народа и восстановителем свободы." Но все это не помешало ему закулисно интриговать против революции, планировать свержение ее с помощью иностранной интервенции.

Из Версаля Людовик XVI насильственно был доставлен в Париж (известный поход француженок на Версаль) и водворен в Тюильрийском дворце, откуда он и предпринял неудачную попытку к бегству из Франции, чтобы во главе австрийских и германских войск идти на Париж и раздавить революцию. Королевская карета была опознана в небольшом городке Варенне, в 160 верстах от Парижа. Людовик XVI, под видом лакея, сопровождал "госпожу Корф" с русским паспортом, оказавшуюся королевой Марией Антуанетой. Вооруженные вилами крестьяне не выпустили их за границу и доставили в Париж. Слишком снисходительные законодатели готовы были забыть эту королевскую "шалость," но Людовик и особенно Мария Антуанета не угомонились, не отказались от своих преступных планов раздавить революцию с помощью иностранных штыков, и за это поплатились своими головами. Погибла на эшафоте также сестра короля Елисавета, не успевшая во-время покинуть пределы Франции, как это сделали другие члены королевской семьи, покинувшие короля при первой опасности.

Париж, как в России Петербург, явился застрельщиком революции, но и остальная Франция не была безучастной в революции. Крестьяне пошли войной против помещиков, сжигали замки, уничтожали помещичьи крепостные записи, захватывали земли разбегавшихся помещиков. Острие революции было направлено также и против церкви, которая обирала крестьян "десятиною" и другими поборами (помещики и церковь владели почти половиною всей земли во Франции).

Надо сказать, что французское духовенство проявило некоторую уступчивость народным требованиям и революции. Конфискация церковных земель и имуществ

и уничтожение "десятины," дававших церкви годовой доход в сумме до 230 млн. франков (ливров по прежней терминологии), была произведена Национальным Собранием по предложению епископа Талейрана (гор. Отен). Лойяльное революции духовенство переходило на государственное жалованье 1200 ливров в год и квартира. Многие священники и епископы-депутаты Томас Лэндэ, Вернон, Гобэль Парижский сложили с себя духовный сан, превратились в ярых революционеров (впоследствии, в дни реакции, Гобэль, б. свящ. Ру и некоторые другие погибли на эшафоте за неверие).

Но в Нац. Собрании было подано 346 голосов (священники и находившиеся под их влиянием депутаты) против конфискации церковных имуществ. Эти депутаты и стоявшие за ними избиратели стали открытыми врагами революции, и их деятельности приписывается известное Вандейское крестьянское восстание под предводительством свящ. Бернье, сопровождавшееся страшными эксцессами с обеих сторон.

В Париже издали декрет о закрытии церквей, были случаи сжигания богослужебных книг и мощей святых, устраивались антирелигиозные маскарады, колокола и церковные бронзовые принадлежности перелили на пушки, свинцовые гробы богачей были использованы для отливки пуль, некоторые церкви превратили в мастерские, работавшие на войну...

Но крайние меры против церкви встретили противодействие таких руководителей революции, как Робеспьер и Дантон—людей, враждебных католической церкви, но и вместе с тем противников насильственной борьбы с религиею. "Робеспьер называл людей, навязавших борьбу против христианства, **изменниками** и агентами врагов Фрнации, стремящимися оттолкнуть от республики тех иностранцев, которых привлекали к республике ее нравственные идеалы" (П. Кропоткин). Робеспьер — деист, а Дантон не скрывал своих материалистических убеждений, и по их настоянию Комитет Общественного Спасения издал декрет, "запрещающий всякое насилие и всякие меры, противные свободе вероисповедания..."

По авторитетному мнению исследователя французской революции П. А. Кропоткина, "...в некоторых местах революционеры сами, своими ошибками, отталкивали от себя население. Слишком большие теоретики, слишком большие любители 'стройности' и 'единообразия,' слишком горожане, они оказывались неспособными понять все разнообразие форм земельной собственности, вытекающих из обычного права..." Отмечает П. Кропоткин отсутствие у французских революционеров "терпимости к верованиям масс, обреченных на нищету..." "Что касается до Вандеи, то Комитет Общественного Спасения, не давая даже себе труда вдуматься в причины восстания в целой области, возымел дикую идею истребить всех вандейцев и обезлюдить Вандею... Вандея обратилась в гнойную рану Республики..."

"Париж нужно поджечь со всех четырех сторон" — говорил вдохновитель контрреволюции граф де-Мерси. Но революционная Франция отразила интервентов всей Европы и сама объявила войну всем европейским монархиям. Вожаки якобинцев Робеспьер, Сен-Жюст и др., мечтавшие осчастливить человечество крайними и насильственными мерами, пытались утвердить свою власть с помощью террора. Им удалось избавиться от многих умеренных членов Конвента (один из самых выдающихся вожаков Конвента Дантон был послан под гильотину по настоянию Робеспьера), но дальнейшие их требования крови и голов своих противников наткнулись на решительное противодействие большинства Конвента, и "триумвират"— Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон погибли — момент, известный во французской революции под именем Девятого Термидора, т. е. конца революционных действий и начала нормализации жизни...

Парижский революционный трибунал со дня своего основания — 17 апреля 1793 г. по 27 июля 1794 года казнил 3,959 человек. П. Кропоткин замечает: "В городе не находилось более кладбищ, чтобы хоронить эти жертвы, и всякий раз, когда в предместьях открывали новые кладбища, чтобы зарывать там казнимых, резкие протесты поднимались среди населения этих кварталов..."

Но кровь во Франции все еще лилась: свирепствовал белый террор, действовали "Золотая армия," истреблявшая всех заподозренных в республиканизме. На юге

оперировали "роты Иисуса," "роты Солнца," революционеров топили в Роне...

26 октября 1795 года Конвент разошелся. Установилась власть Директории из пяти человек под главенством Барроса. Парижские монархисты полагали, что наступило их время и 4 сентября 1796 года подняли восстание. Но Директория извлекла из тюрьмы 24-летнего якобинского генерала Наполеона Бонапарта, который, не желая вступать в уличные рукопашные схватки, угостил роялистов сильным артиллерийским огнем, и отбил у них всякую охоту к дальнейшим попыткам восстановления монархии во Франции. За отличие Наполеона произвели в дивизионные генералы и назначили командующим войсками парижского гарнизона. 9 ноября 1799 года Наполеон избавился от Директории и превратился в верховного правителя (консула), а 18 мая 1804 года провозгласил себя императором, и война вознобновилась вплоть до 1815 года...

Французская революция встряхнула Европу, опрокинула троны и навсегда подорвала королевское самодержавие. Феодализму, крепостничеству был нанесен смертельный удар, и П. Кропоткин совершенно верно замечает, что "восставшие сто двадцать лет тому назад против своих помещиков **французские крестьяне освободили крестьян всей Европы"** (в России крепостное право уничтожили в 1861 году, в США — в 1863 г.).

Во Франции, конечно, не было черного передела земли, но во владение крестьян перешла значительная часть конфискованных помещичьих и церковных земель, они освободились от различных дополнительных повинностей церкви и помещикам (например, по ночам запугивать в болоте лягушек колотушками, чтобы они не мешали спать помещику, от "десятины" церкви и других поборов)... Франция преобразилась в годы революции: "Крестьянин наедался досыта, — в первый раз за последние несколько сот лет... она стала страною зажиточных крестьян... самою бо гатою по своей производительности... из-за уменья с нею (землею) обращаться... из-за своего трудолюбия..." (П. Кропоткин).

И когда "после 23-летней борьбы Франции, побежденной Европою, не было другого выхода, как принять Бурбонов на трон, — Франция же ставила им условия: они будут царствовать, но земли останутся за теми, кто отнял их у феодальных владельцев. Даже белый террор Бурбонов не смог этого разрушить. Старый порядок не был восстановлен" (Он-же).

"Но в большей части Франции, — пишет Кропоткин, — те, кто сами ничем не завладели, ничего не получили." Опубликованный Конвентом декрет от 3 марта 1794 года предоставляет по одному арпану земли (полдесятины) в собственность неимущим патриотам. Старикам же и бедным — открыть "Книгу национальной благотворительности" и выдавать пенсию в размере не свыше 160 франков в год (Кропоткин).

Франция не проявила щедрости к живым участникам революции, а наградою погибшим в войнах и на баррикадах защитникам ее — вечный покой и слава!

Историк

ЧЕГО ДИКТАТОР ФРАНКО НЕ ПОКАЖЕТ

(Демонстрация мексиканской молодежи)

На испанском пароходе "Толедо," по прибытии в мексиканский порт Веракруз, была устроена выставка. Показывались образцы товаров, производимых в Испании.

Мексиканская молодежь, входящая в либертарные организации, воспользовалась этим случаем и устроила враждебную Франко демонстрацию.

На огромном плакате гласила надпись:

Чего Франко никогда не покажет:

Под этим шли пояснения: Франко не покажет, что:

1) 200,000 борцов за свободу находятся в тюрьмах и концлагерях,
2) 150,000 больных туберкулезом работают на фабриках в Испании,
3) 100,000 человек было казнено после победы Франко,
4) 1,000,000 человек погибло в результате поднятого Франко восстания.

Не покажет Франко также и того, с чьей помощью он одержал победу.

"LIBERATION"

Ежемесячный журнал близкого к анархизму направления. Подписная цена 3 дол. в год. Адрес:

110 Christopher St.,
New York 14. N. Y.

ПАУКИ В БАНКЕ

В "Коммунистическом Манифесте" сказано: "первая обязанность рабочей революции, это сделать пролетариат господствующим классом." Маркс не указал над кем пролетариат будет господствовать после революции, но логически выходит, что он должен господствовать над своими бывшими господами. Русская революция, однако, показала, что "рабочая революция" возводит в господствующий класс не пролетариат, а большевиков, одинаково давящих и бывших господ и бывших рабов.

Старые господские сословия России — дворяне, духовенство, буржуазия и помещики — составляли ничтожное количество по сравнению с много-миллионным бедным населением и поэтому не могли быть прочной созидательной силой для нового паразитического класса. Они частично пригодились большевикам тем, что приспособились по фабрикам в качестве опытных директоров и в учебных заведениях. Некоторая часть побежденных господских сословий улетучилась заграницу, не желая служить большевикам по тем или иным соображениям.

А что касается царского карательного аппарата — жандармерии, полиции, членов царской охранки и части высшего командного состава царской армии, — то почти весь этот вредный элемент остался на своих местах. Большевики знали, что он им пригодится.

И пригодился. Укрепившись во власти, большевики не разрушили тюрем как это полагалось с революционной точки зрения, а наоборот, усовершенствовали и упрочнили этот символ рабства. Больше того, они покрыли густой сетью лагерей всю Россию, до чего не додумались даже царские тюремщики.

Лагеря построины якобы для перевоспитания людей, но на самом деле для бесплатного рабского труда, обогащающего новое господское сословие. Для защиты этого нового паразитического сословия, а также для охраны лагерей, перешедший к большевикам царский карательный аппарат проявляет максимум энергии и изобретательности.

Способ пытки заключенных большевики поставили образцово, на научную ногу.

О пытках заключенных в большевистских застенках описывает подробно Михаил Бойков, советский журналист, в своей книге "Люди советской тюрьмы," выпущенной в издательстве "Сеятель," Буэнос Айрес, 1957 г.

Автор этой замечательной книги, арестованный случайно на улице, в заключении был подвергнут всевозможным пыткам, какие только могли изобрести большевики. Побывал он в комнате-мешке без окон с ярко горящей электрической лампочкой, прикрепленной к потолку. В этом "мешке" человек может лежать согнувшись, как говорится, в три погибели, под постоянным зорким наблюдением надзирателя через маленькую дырку в дверях.

От постоянно ярко горящей лампочки человек доходит до состояния умопомешательства.

Не дав признания следователю в приписываемых ему ложных обвинениях, М. Бойков после каменного мешка попал в шкаф-стойку, в которой заключенный со связанными назад руками не может опуститься вниз, а должен стоять подряд несколько дней без воды и пищи при постоянном наблюдении меняющихся чекистов, не дающих узнику, хотя бы стоя, вздремнуть. В этой мучительной стойке от спертого воздуха многие умирают от разрыва сердца.

Через несколько дней выжившего в стойке заключенного ведут опять на допрос следователя, требующего от заключенного признания. А если и теперь заключенный не признается, то ему делают "маникюр" в присутствии следователя и врача. Человека садят на стул спиной к столу, протянутые его руки и пальцы прикрепляют плотно железными браслетами к столу, ремнями привязывают крепко к стулу плечи, шею, локти и ноги. "Маникюр" начинается... Врач обмывает пальцы спиртом, а потом вводят медленно раскаленные до красна иголки под ногти. Жертва не выдерживает страшной боли и обугливания собственного тела, и падает в обморок, свисая голову вниз. По приказу врача чекист льет жертве на голову холодную воду. Жертва приходит в себя и подымет голову. Следователь требует от нее

признания, жертва качает головой отрицательно, иголки начинают опять вонзаться под ногти и забавная для чекистов процедура продолжается попеременно до тех пор, пока раскаленные иголки не всажены во все пальцы обеих рук. "Маникюр" кончился.

Иголки выдергиваются из пальцев при невыносимой боли. Врач обандаживает пальцы и выдержавшего мучения заключенного уводят в общую камеру.

Там его заключенные встречают с глубоким сочувствием и состраданием, посылая проклятия чекистам.

Большевики называют заключенных не по имени — Иван, Степан, — а экспонатами. "Экспонат" выдержавший все научные способы пытки называется упорным, потому что отказывается признать себя вивновным, а экспонатов, признающихся во всех приписываемых им грехах только от одного удара кулаком в зубы, называют слизняками.

Таких чекисты подбрасывают в общие камеры в качестве "стукачей," чтобы подслушивали и выдавали тех заключенных, которые открыто осуждают большевиков. Стукачей заключенные не любят и бьют смертельно.

Истребление большевиками невинных людей ради укрепления своей власти вызывает у их принципиальных врагов чувство негодования, отвращения и брезгливости к ним. Вести же, что большевистские вожди, как пауки в банке, душат друг друга в спертой, удушливой атмосфере властолюбия вызывают чувство радости.

О паучьей схватке большевистских вождей пишет в своих воспоминаниях Орлов, бывший оперативный агент заграницей, ставший невозвращенцем.

Сталин, боясь, что другие из старой Ленинской гвардии смогут его задушить, смастерил способ убийства Кирова, наместника в Петрограде, чтобы иметь повод начать генеральную чистку в большевистском царстве. Сразу же после убийства Кирова, была сфабрикована Сталиным версия, что будто бы Киров убит белогвардейскими террористами, проникшими в СССР в количестве 104-х из Финляндии, Польши и Латвии. Но эта замысловатая версия оказалась не подходящей, поэтому в Москву из ссылки были спешно привезены 300 оппозиционеров для обработки, чтобы заставить их выступать против Зиновьева и Каменева, в то время уже арестованных.

Первый показательный процесс 16-ти, в числе которых были Зиновьев и Каменев, закончился смертным приговором 19 августа 1936 года. Расстреляли и 300 оппозиционеров, ложно свидетельствовавших против Зиновьева и Каменева.

Интересно здесь отметить как Зиновьев и Каменев защищались перед Сталиным. Зиновьев плакал, а Каменев настойчиво допытывался: "Где же гарантии, что вы нас не расстреляете?"

"Какие тут могут быть гарантии?" — удивлено спрашивает Сталин своих товарищей. "Вы, повидимому, забываете, что находитесь не на базарной площади, где разбирается конокрадство, а перед Политбюро коммунистической партии."

Спустя неделю после первого процесса Сталин приказал Ягоде и Ежову выбрать наиболее активных оппозиционеров и расстрелять. Приказ диктатора выполнен по большевистски.

В партию 17-ти в январе 1937 попал Пятаков, организатор красной армии. Сталин, говорит Орлов, ценил организаторские способности Пятакова, но арестовал его за то, что он в разговоре с другими назвал Сталина посредственностью и что ему нестоило бы быть главой партии. Но Пятаков боялся, что в случае удаления Сталина его место займет Каганович, а он, Пятаков, не желает быть подчиненным Кагановича. Наверное потому, что Каганович еврей. Антисемитизм на лицо со стороны "культурного" большевика.

У Сталина аппетит развивался с едой. Звериная жажда крови побудила его дать приказ через год после расстрела 17-ти выбрать вторично пять тысяч опозиционеров в лагерях и расстрелять.

Выполнявший все приказы Сталина Ягода сам попал в партию третьего показательного процесса. Он в тюрьме посетившему его чекисту Слуцкому с огорчением сказал: "От Сталина я не заслужил ничего, кроме благодарности за мою верную службу ему." Ягода, также, выразил сожаление, что, по его мнению, Ежов, его заместитель, своим неопытным обращением разрушит "великолепно" построенный аппарат ГПУ, над созданием которого Ягода трудился 16 лет.

Огорчения Ягоды были напрасны. Погибли в порядке чистки все его руководители, а аппарат остался невредим, ибо без него тоталитарное большевистское государство не может существовать. Хрущев обращается с ним умело и осторожно, зная, что народ несколько осмелел и что теперь нельзя уже пользоваться так открыто и нахально "черным вороном" для налета по ночам.

Кроме Ягоды, Рыкова, Крестинского и Раковского в третью партию кровавой чистки попал Бухарин, которого Ленин перед своей смертью назвал любимцем партии. Был ли Ленин прав в таком лестном отзыве о Бухарине — трудно сказать, но безошибочно можно думать, что это сильно задело Сталина, который из за ревности бросил Бухарина вместе с другими любимцами партии в большевистскую мясорубку. Туда им всем дорога.

Расчитался чисто по большевистски Сталин и с Троцким, любителем хлестких выражений. Во время изгнания анархистов из России Троцкий запальчиво и с чувством удовлетворения выпалил: "Наконец то Советская власть метет железной метлой анархистов за пределы страны." А по отношении к восставшим против большевистской тирании кронштадтцев угрожающе произнес: "Мы их расстреляем на Неве как куропаток."

Троцкий был страстным охотником на куропаток и он с таким же азартом стрелял и в людей, боровшихся за правду. В этом отношении он не уступал Сталину.

Однак, страстный охотник на куропаток, и на людей, Троцкий по воле своего товарища Сталина очутился в далекой Мексике со своей двустволкой и охотничей собакой. Сталин же пожалел, что выпустил Троцкого в живых и, чтобы исправить свою ошибку, достал Троцкого по голове тупым холодным примитивным оружием и тем опозорил всю большевистскую орду, научившуюся уже превосходно владеть сложным огнестрельным оружием.

Мы, конечно, не верим в мистическую силу осинового кола, которого вбивали в могилы "ведьм" религиозные фанатики средневековья, но все таки хочется сказать: осиновый кол тебе двуногий большевистский паук, да и всем твоим соратникам, погибшим на поле паучьей брани. Ибо все вы марксистского поля ягоды.

Как стопроцентный марксист, Сталин любил грандиозность во всем. Он полагал, что начатая им с Кирова кровавая чистка не достаточна для того, чтобы мир признал ее грандиозной а самого Сталина великим зодчим. И в гениальной голове Сталина зародилась гениальная мысль завершить кровавый пир еще одной кровавой чисткой. Но так как он в придуманный им план, несомненно, включил в первую очередь своих приближенных соратников хрущевых, то последние, зная о злом замысле и посягательстве на их головы Сталина, постарались угробить своего учителя. В этом не может быть сомнения.

Угробив Сталина, его шалуны пришли в телячий восторг, повеселели от того, что остались без надзора и устроили пир на весь мир и на удивление всем буржуям.

Однако идиллия коллективного руководства продолжалась не долго. Мир узнал, что Сталинские шалуны поссорились между собой и не на шутку. Напористый Хрущев безцеремонно вытолкнул из своего Политбюро оставшихся в живых по милости Сталина двух старых марксистов, Молотова и Кагановича, а остальных оставил у себя на побегушках. Они, пожалуй, и этому рады.

Чем бы ни завершилась продолжающаяся еще паучья схватка в рядах Хрущевского Политбюро, теперешний дворцовой переворот свидетельствует о том, что Хрущевы отреклись от заветов Ильича бороться с капиталистическим окружением до победоносного конца. Побрякивая оружием по обычаю, они явно и настойчиво зовут капиталистов к спетости, к установлению прочных и постоянных торговых отношений с ними. И капиталисты идут им навстречу, не забывая мудрое изречение покойного Ллойд Джорджа: "Мы и с людоедами будем торговать." Рыбак рыбака видит из далека.

Взаимное понимание побуждает обе стороны к сговору, к взаимной поддержке, чтобы не потерять насиженные места. Правда, у нового четвертого господского сословия России места еще не совсем насижены. Оно ведь почти целиком состоит из выдвиженцев, выходцев из рабочей и крестьянской среды. Поэтому оно не совсем еще обветрилось буржуазными веяниями. Не усвоило полностью буржуазные навыки и обычаи, не избавилось от меш-

коватой мужицкой походки и не усвоило походку буржуазных держиморд, не восприняло лоск и деликатность буржуазных денди в еде и в обращении с другими и т.д.

Хрущевы сами являются выходцами из трудовой семьи и поэтому стараются укрепить и защитить родственное им новое господское сословие от возможных нападок порабощенного народа. А достигнуть этого они могут только при помощи установления действительного, а не фиктивного сосуществования с капиталистическим окружением.

Но все же причиной падения большевиков в России может оказаться продолжающаяся схватка пауков в банке.

И. Д.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Октябрьской революции монархисты уделяют меньше внимания, чем февральской. Оно и понятно: все, что монархисты потеряли — потеряли в феврале, а не в октябре. Каждый год поэтому, они с особой энергией предают анафеме февральскую революцию.

Так было и в этом году. Во многих городах созывались митинги, на которых перемывались все косточки г. Юбкина. (Так монархисты называют Керенского.) На одном из таких митингов, состоявшемся в Лос Анжелос, перед аудиторией, состоявшей из 4-5 десятков стариков, выступил некто Г. Богданов, отрекомендовавший себя крестьянином, а потому и доклад свой озаглавивший "Царь и Крестьянство."

Как и подобает "эксперту" Богданов свой доклад разделил на две части: 1, кто произвел февральский переворот и 2, как приняло крестьянство этот переворот. Переворот легко произошел потому что:

> "Кадры февралистов к 1917 г. были готовы. Это так называемая передовая, левая общественность. Питаясь мудростью таких предшественников, как Бакунин, который требовал от передового интеллигента:
>
> "1. Непременное уничтожение Бога, ибо раз Бог значит нет свободы. 2. Уничтожение права, которое есть насилие. 3. Уничтожить цивилизацию, собственность, брак, мораль, суды, по скольку они стесняют свободу человека. Да здравствует хаос разрушения и да водворится будущее!"

Везде Бакунин. Уши прожужжали заверениями, что Ленин сделал то, что говорил Бакунин. Оказывается, Милюков, Родзянко, князь Львов, Керенский и др. тоже сделали то же самое, что говорил Бакунин. А говорил Бакунин прежде всего о необходимости отмены государства и ликвидации всех правительственных учреждений. А мы до сих пор и не знали, что в феврале 1917 г. в России было отменено государство. И кем? Родзянко и Милюковым. Вот так диво!

Крестьянство, по словам Богданова, революции, конечно, не желало. Оно ревмя ревело, когда узнало об отречении царя. Впрочем, что же это было за крестьянство и что из всего этого в конце концов получилось?

Богданов повествует следующее:

> "К осени 1916 года война потребовала призыва новых солдат — доведя армию до 12 миллионов бойцов. Главный поставщик живой боевой силы была деревня. Она безропотно на защиту родины отдавали своих сыновей, братьев, отцов и мужей. В деревне оставались мужчины старше 50 лет, подростки до 18 лет, старики, старухи и жены взятых на фронт.
>
> "Они с великим напряжением и трудами еле управлялись со своими хозяйствами.
>
> "С первых же дней переворота для крестьян наступили черные дни, которые продолжались и по ныне. С переворотом вся власть в деревне была устранена.* Деревня была отдана на поток и разграбление выпущенных из тюрем воров, конокрадов и прочего жулья. Вот для этих 'последователей февраля' наступила не жизнь, а настоящая масленица! Воровство, хулиганство, обида женщин солдаток, заставили деревню кричать караул — спасайте. Посыпались письма на фронт к мужьям, сыновьям и отцам: 'бросайте фронт, спасите, мы здесь погибаем от воров и злодеев — последователей февраля.'
>
> "Создалось нигде не виданное безобразие, что для защитника родины, враг внешний оказался не так страшен, как мошенники внутреннего февраля. Приказ № 1-й, письма из деревни — вот последствия измены, вот причины развала великой армии и великой Империи."

Разве не чудеса в решете? Сколько бумаги было исписано, сколько чернил расходовано на отыскание причин развала армии. Оказывается же проще простого: деревенские бабы позвали своих мужей и сыновей с фронта домой. И выходит, что царской армией командовали бабы. Кликнули клич: "домой!" и помчались солдаты в деревню. А если бы эти самые женщины

---

* Дело известное: бакунисты засели в Петрограде.

приказали атаковать немцев, солдаты, конечно, бросились бы в атаку.

И эти "доводы" слушали люди, убеленные сединами или же награжденные лысинами. Слушали и аплодировали.

Одно лишь тут непонятно. Если в царской России было хорошо (а по словам Богданова, там было очень хорошо), то почему в тюрьмах так много сидело воров, конокрадов и прочего жулья? Должно быть их было несколько миллионов, если они буквально наводнили все деревни и никто с ними не мог справиться, кроме 12-ти миллионной армии.

Кажется, что в стране с хорошими порядками не должно быть столько жулья.

Мужик

С МИРУ ПО НИТКЕ — ГОЛОМУ РУБАШКА

(Обращение к читателям)

Будучи в январе сего года во Флориде, мне пришлось наблюдать, как живут люди в полном довольстве и роскоши. На них работают многочисленые штаты прислуги. Для них выстроены фешенебельные гостиницы, рестораны с изысканными яствами и напитками, роскошные пляжи, залы для танцев, в которых беспрерывно играют знаменитые оркестры, а разодетые в шелка и меха, сверкающие бриллиантами и драгоценными ожерельями дамы и девицы танцуют со своими кавалерами и мужьями. Все это — пресыщенные прожигатели жизни и расточители народного добра. Они беззаботны и не знают никакой нужды.

В другом месте той же Флориды я видел другую картину: на небольшой поляне среди вековых дубов с пушистыми бородами, похожими на задумавшихся староверов, стоит убогая серенькая лачужка, называющаяся "трэйлером." Возле этого "трэйлера" сидят два старика, таких же убогих и больных. Старики эти — наши товарищи: Гордиенко и Короневский — первый бывший редактор газеты "Американские Известия," а второй — бывший секретарь тех же "Известий." Короневский полуразбит параличем, а Гордиенко поражен астмой в тяжелой форме. Оба с большим трудом передвигаются.

Стоит эта лачуга на чужой земле. Снабжает этих бедняков водой совершенно **чужой человек,** — владелец земли, предоставивший им и другие привилегии. Гордиенко необходимо еще доплатить причитающуюся с него часть за "трэйлер" — 350 д. По приезде домой я письменно обратился к товарищам, которые откликнулись на мой зов следующими пожертвованиями:

Фонд Д.Т.П.—50 д., С. Медынич—20 д., К. Талан (Канада)—20 д., И. Стецюк—20 д., Ф. и Г. Морозовы—25 д., Павловы—26 д., Ю. и И. Сивко —21.07, В. Василенко—30 д., П. Б.—10 д., А. и Ф. Коваленко—10 д., А. Фещенко—15 д., Ф. Барабаш—10 д., В. Марч—5 д., П. Божко—5 д., Ф. Д.—5 д., А. Громыко—2 д., Ф. Островский—5 д., И. Бурдико—5 д., Гойник—2 д., Ткачук—2 д., Чернявский—2 д. С-Луис: М. Хведченя—25 д., В. Шурхай—10 д., М. Рудов—10 д., М. Радивончик—10 д., С. Тюшкевич—5 д., П. Тарасевич—5 д., И. Тутин—3 д., А. Сукало—3 д., А. Мокра—2 д., Н. Антонович—2 д., М. Кулик—1 д., А. Небесник—1 д., А. Теклин—1 д., Антон Ждан 1 д., а всего—369.07.

Большое спасибо всем жертвователям. Список пока не закрыт и сбор продолжается. Всех, желающих поддержать это дело, прошу направлять свои пожертвования по моему адресу.

С. Павлов

S. PAWLOFF
5281 Florida St.
Detroit 10, Mich.

Деятельность пацифистов

Американские пацифисты, несмотря на свою малочисленность, бросают вызов государству-Голиафу. Иногда они устраивают демонстрации у воинских присутствий, иногда совершают поездку в Неваду и там протестуют против испытания атомных бомб. Власти, конечно, всегда их арестовывают, при чем в вину им ставится, что они — угроза миру.

Не атомная бомба, а те, кто против ее применения протестуют — угроза миру.

Во время ежегодных так называемых пробных тревог, когда все население при первом вое сирен должно прятаться — пацифисты демонстративно остаются на улице. Их немедленно погружают в полицейский фургон (полиция заранее знает о демонстрации пацифистов, ибо сами пацифисты осведомляют ее об этом) и отправляют в участок.

До нынешнего года пацифисты за это неповиновение закону о подготовке к войне отделывались сравнительно легким наказанием: пять дней тюрьмы, а то и ничего. Но в этом году один из нью иоркских судей приговорил 12 человек пацифистов к 30-дневному тюремному заключению, а в следующем году, заявил судья, он этот срок удвоит.

Венок на могилу Ф. Серодоенкова

Ф. Серодоенков

В прошлом номере "Дело Труда-Пробуждение" напечатан некролог об умершем 2 августа 1956 года в Балтиморе, Ф. Серодоенкове, написанный П. С. Ж. По ошибке некролог оказался без фотографии покойного. Чтобы исправить эту ошибку, решено поместить фотографию в этом номере и сопроводить ее кое-какими добавлениями к некрологу.

В некрологе указаны некоторые данные, в каких городах и в каких организациях Ф. Серодоенков принимал активное участие, потому в этом кратком добавлении коснемся лишь о его выдержанности и неутомимости в многодесятилетней деятельности в анархическом движении.

Как рабочий от станка с мозолистыми руками, Серодоенков не имел теоретической подготовки, но практически умело ориентировался в вопросах, неожиданно возникавших в движении. Являясь верным и преданным идеям и движению, Серодоенков понимал, что только с осуществлением анархизма и свободного ассоциирования людей во всех отношениях — культурных, социальных и экономических — человечество выйдет из тупика, в который оно попало по вине сильных мира сего, на широкий путь прогрессивного свободного развития. В этом заключалась его твердая вера и он не отступал ни перед какими затруднениями, возникавшими иногда в движении.

Серодоенков прекрасно сознавал, что отсутствие в движении людей с высоким школьным образованием, то-есть, интеллигенции с хорошей теоретической подготовкой, мешает устранению возникающих затруднений и этим самым замедляет прогрессивный ход движения. Однако, он считал, что анархизм не является учением кабинетного свойства, а вытекает из вековых чаяний и стремлений к свободе порабощенных паразитами трудящихся масс. Ф. Серодоенков поэтому находил, что люди от станка, с мозолистыми руками, испытывающие на себе экономический и иной гнет сильных мира сего, могут так или иначе продолжать дело борьбы за свое освобождение, даже при отсутствии в движении интеллигенции.

Серодоенков не раз высказывал мысль, что подавляющее большинство интеллигенции имеет склонность примыкать к тем организациям, которые стремятся к захвату власти с ее теплыми и выгодными должностями. Эти должности и прельщают интеллигенцию. Зная, что в анархическом движении таких должностей нет, так как анархизм отрицает всякую власть и всякую форму государства, интеллигенция по шкурническим соображениям, предпочитает стоять в стороне от анархического движения.

Серодоенков отзывался с восхищением о Кропоткине, Бакуние и других теоретиках анархизма за их отказ от всех привилегий, за их бескорыстное и самоотверженное участие в освободительной борьбе трудящихся. Отдавал он должное анархической интеллигенции за ее скромность в отношении к так называемым рядовым членам движения, за ее призывы к самодеятельности и за ее признание человеческого достоинства за каждым рабочим. Таков был покойный товарищ Ф. Серодоенков. Мир праху твоему, дорогой товарищ.

В. Бизбидюк

Умер А. Горелик

Лишь недавно стало известно о смерти т. А. Горелика.

Анатолий Горелик вместе с другими анархистами был выслан в 1923 г. сов. правительством из пределов СССР. Попав после некоторых мытарств в Южную Америку, Горелик все время принимал активное участие в тамошнем анархическом движении, а также сотрудничал во многих изданиях, в том числе и в "Пробуждении." Умер он 15 ноября 1956 г.

Надеемся, что кто-нибудь из товарищей, лично знавших т. Горелика, напишет некролог для следующего номера "ДТП." Выражаем свое соболезнование семье покойного, а также приносим извинение за то, что до сих пор ничего не было сообщено на страницах "ДТП" об этом печальном событии.

ХРОНИКА

Новая книга П. Сорокина

В 1958 г. выйдет новая книга профессора П. А. Сорокина — "Преступность среди правителей." Основываясь на исторических данных, Сорокин приходит к заключению, что из каждых четырех правителей один — уголовный преступник. Многие правители стали правителями только после того, как они переступили через трупы своих отцов, матерей, жен или же мужей. Были и такие, которые убивали своих детей. Само собой понятно, что если человек, не дрогнув, применяет уголовные методы в период стремления к власти, то он тем более не побоится применить их в период закрепления или же удержания за собой власти. Наглядным примером в этом отношении является Сталин: его путь к власти усеян трупами, а его период властвования усеян уже не отдельными трупами, а горами трупов. Стало быть, власть и уголовщина — неразлучны.

Власть подобна алкоголю: она опьяняет человека. Это относится не только к тоталитарным странам, но и демократическим. Разница лишь во времени, в сроке: в одном случае опьяненный сидит на командных высотах до своей смерти а в другом — до известного срока. Но никогда эти высоты — этот источник опьянения — не остаются незанятыми. Всегда кто-то там есть, всегда кто-то пьянеет.

По мнению П. Сорокина, клубок, именуемый центральным аппаратом, должен постепенно разматываться. Разбухшие во всех столицах центральные органы — должны рассосаться. То, что именуется властью и авторитетом, должно исходить не из центра, а из периферий. Только тогда не будет висеть над человечеством Дамоклов меч в виде разрушительной войны.

Иными словами, принудительная власть должна быть ограничена до минимума и замена прогрессивно-свободным регулированием человеческих взаимоотношений, основанным на знании, любви и моральной ответственности каждого человека по отношению к каждому человеку.

Жизнь в общине Койнония

Членам общины Койнония, располоенной в шт. Джорджия, приходится вести упорную борьбу за свое существование. В общине нет сегрегации (разделения) между неграми и белыми. Те и другие живут вместе, мирно трудятся. Это приводит в бешенство окрестное белое население, ставящее чернокожих на положение скотов. К тому же, члены общины по своим убеждениям — пацифисты, практикующие принцип непротивления злу насилием.

В ближайшем к общине городе, Америкус, только и разговоров, что об общине Койнония. ("Койнония" греческое слово. В переводе оно означает Коммуна.) Все официальные лица Америкус против общины. Деловые круги под давлением официальных лиц, тоже выступили против. Члены общины не только не могут ничего продать в Америкус из изготовляемых ими продуктов, но и купить ничего не могут. Владельцы некоторых магазинов поспешили даже вывесить об'явление: "Вход членам Койнония воспрещается." Не только кредит в банках, но даже медицинская помощь в госпиталях запрещена членам общины.

Этот всеобщий бойкот еще не все. Часто община в ночное время подвергается набегам, со стороны особенно пьяных сторонников сегрегации, поджигающих здания общины или же разрушающих проволочную изгородь для того, чтобы скот общины выходил на шоссейную дорогу, по которой всегда мчатся автомобили с максимальной скоростью. Были случаи выстрелов в окна домов.

Однажды к общине под'ехала кавалькада из 78 автомобилей. В автомобилях находились члены Ку-Клукс-Клана, одетые в свои белые балахоны. После недвусмысленных угроз и требований немедленной ликвидации общины, под'ехавшие сожгли несколько своих традиционных факелов, дали несколько выстрелов в воздух, а затем медлено раз'ехались.

Члены общины пробовали в начале искать защиты у властей Америкус, но вскоре убедились, что это бесполезно. Никакой защиты, никакого правосудия они не нашли, несмотря на то, что это написано во всех декларациях, которыми так гордятся американцы.

Поступающая от друзей помощь со стороны — единственная опора сейчас для членов общины. Но эта помощь не может быть существенной. Вследствие того, что общину бойкотируют не только деловые круги, но и правительственные учреждения — доставка писем или посылок в общину не гарантирована.

В конце концов членам общины придется, повидимому, оставить свое насиженное место и переселиться куда-нибудь на север, где расовые предрассудки, пока еще не так сильны. Увы, "дух Джорджии" проникает и на север. Несколько членов общины, успевшие уже переселиться в шт. Нью Джерзи, встретили со стороны администрации местности Бренчбург почти такой же бойкот, какой они встречали в Джорджии.

По последним сведениям, ночные нападения на колонию стали реже, но экономическое положение, вследствие бойкота, все еще тяжелое. В Америкус недавно пострадал торговец семенами, имевший коммерческие дела с колонией: в его магазине взорвалась бомба.

ЕЛЕНСКИЙ НАПИСАЛ КНИГУ

Б. Еленский написал небольшую книгу о работе Анархического Черного Креста, известного здесь, в США, под названием фонда имени Беркмана. Еленский все время выполняет обязанности секретаря Фонда, поэтому ему, лучше чем кому-либо, известны все детали работы этой организации.

Средства, необходимые на издание книги, Еленский надеется собрать путем пожертвований.

Сейчас Еленский живет в Майями, Флорида.

Континентальная Анархическая Конференция

В Монтевидео, столице Уругвая, состоялась в апреле месяце с. г. континентальная анархическая конференция, на которой присутствовали две делегации от Аргентины, две из Бразилии и по одной из Кубы, Чили и, конечно, от Уругвая. К сожалению, делегации от Северо-американских стран не могли попасть на конференцию (Их представляла делегация Кубы.) Не было также представителей от Центральной Америки.

Конференция продолжалась 7 дней. Дискуссии происходили главным образом вокруг вопроса — как согласовать анархические принципы с запросами дня. Большинство высказывалось за то, что определенного решения, однаково приемлемого для всех стран, не може быть. В каждой стране есть свои особенности, игнорировать которые иногда просто невозможно. Но тем менее основной принцип анархизма — полнейший отказ от кооперирования с государством — может (и должен) быть сохранен везде.

Так как конференция закончилась накануне Первого Мая, то многие делегаты остались в Монтевидео для празднования этого рабочего праздника. Никогда столица Уругвая не была так "пропитана" анархистическим духом, как в этом году. Тысячи плакатов с объяснением анархических принципов, были расклеены в разных частях города. Везде раздавались летучки и анархическая литература. Громкоговорители оповещали население о месте анархических митингов. Полиция не чинила никаких препятствий, хотя "на всякий случай" все было на-готове.

Разъехались делегаты в приподнятом настроении, чувствуя что брошенные когда то Бакуниным зерна среди населения латинских стран дают хорошие всходы.

Летние анархические встречи

Лондонская Анархическая Группа ежегодно устраивает летние встречи анархиство. Иногда эти встречи происходят за городом, иногда в городе. В этом году они состоялись в Лондоне, в клубе имени Малатеста. Продолжительность встреч — три дня (иногда больше). Первый день посвящается произнесению речей и докладов, второй — дискуссии и обсуждению этих речей и докладов, третий — дружеской беседе, развлечениям и закрытию встреч. Как показал опыт, встречи дают хороший результат: люди ближе знакомятся, друг с другом (многие приезжают из других городов), после чего идейная и организационная работа значительно оживляется.

Темой речей и докладов в этом году было: "Здоровое общество." Тема эта как бы явилась ответом на многочисленные утверждения, что общество, в котором мы живем — больное. Здоровое общество, по мнению докладчиков, возможно лишь при условии, если медицина и народное хозяйство будут ставить своей задачей — благо людей, а не наживу отдельных лиц. Мораль тоже должна занять надлежащее место. Каждый должен знать не только свои права, но и обязанности. Каждый должен понимать, что приносит пользу, а что вред, как ему лично, так и всему обществу.

Следует отметить одно похвальное явление: полнейшую терпимость к инакомыслящим. Английские анархисты пришли к заключению, что "единства" в идейных вопросах не может быть. Каждый может иметь свою точку зрения, при условии, конечно, что он дает возможность и другим иметь свою точку зрения.

Заметна еще одна особенность среди наших английских товарищей: увлечение Герценом (как бы в ущерб Кропоткину). Импонирует Герцен английским анархистам, повидимому, тем, что личность у Герцена как бы выделяется, стоит особняком, у Кропоткина же она сливается с обществом, а иногда даже поглощается последним.

Мексика—страна контрастов

(Новая книга Дж. Вудкока)

В издательстве Фабер вышла новая книга Дж. Вудкока "Город мертвых."

Имя Вудкока хорошо известно читателям лондонской "Фридом," где он одно время много писал. Сейчас Вудкок живет в Канаде. В 1953 г. он предпринял путешествие по Мексике. Целью путешествия было: изучение памятников древней культуры (Ацтеков). Изучая старину, Вудкок в то же время уделил должное внимание и современному состоянию страны.

Мексика, по словам Вудкока, страна контрастов. Наряду со сказочными богатствами, страшная бедность. Наряду с повальными болезнями, ни одного смертного случая от таких распространенных в С. Ш. болезней как рак или олсер. Наряду с полудиктаторской властью, почтительное отношение к анархистам.

Один из политических иммигрантов, немец по происхождению, рассказал Вудкоку следующую почти сказочную историю. Дело было на западном побережьи страны, в небольшом городке. Желая прочитать лекцию, иммигрант узнал, что для этого нужно иметь разрешение от командира гарнизона. Мыслимо ли, чтобы начальник гарнизона выдал анархисту разрешение на устройство лекции? Командир, показавшийся на вид обыкновенным кадильо, принял лектора вежливо и, конечно, в первую очередь спросил на какую тему он намерен читать лекцию. "Об анархизме" — ответил лектор, втихомолку браня себя за такую откровенность. "Так," неопределенно вставил генерал, а затем спросил: "А вам известно что-нибудь о Рикардо Флорес Магоне?" Лектор ответил, что имя Магона ему хорошо известно.

"Флорес Магон, после некоторого раздумья заявил генерал, был когда то моим лучшим товарищем."

Лектор принял это за шутку, но перед началом лекции убедился, что это не шутка. Генерал при-

казал некоторым частям гарнизона отправиться в такой то зал и прослушать лекцию анархиста.

Такие контрасты, говорит Вудкок, в Мексике не новость.

От Ред. Рикардо Флорес Магон и его брат Парфирио—известные мексиканские анархисты.

АНАРХИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС ОТЛОЖЕН

Международный анархический съезд, который должен был состояться минувшим летом в Италии, отложен до весны. Место съезда еще не определено. Многие высказываются в пользу Парижа.

По дополнительным сведениям, съезд был отложен главным образом по рекомендации анархистов из южно-американских стран, имевших свой континентальный конгресс этой весной, а потому не располагавших возможностью поехать в Европу. По мнению южно-американских товарищей, чем продолжительнее предсъездовой период, тем лучше для съезда, ибо это дает возможность лучше и тщательнее ознакомиться с вопросами, подлежащими обсуждению на съезде.

Комиссия, ведущая подготовительную работу по созыву съезда, полагает, что самое подходящее время для съезда — Пасхальные праздники, так как в это время в некоторых странах практикуется удешевленный проезд, а также даются каникулы рабочим. Между прочим указывается, что Амстердамский конгресс (1907) — самый успешный анархический конгресс — тоже состоялся в пасхальные дни.

Съезд, по всей вероятности, состоится во Франции, но в каком городе—еще неизвестно.

Помощь журналу

ГЕМСТЕД, Н. И.: Радуха — 10 д.; МОССЛЕЧ, Канада: С. Самароден — 1 д.; МОНТРЕАЛ Канада: Н. Гин — 5 д.; ЧИКАГО, Иллиной: М. Страпко — 5 д., И. Волков — 10 д. ЛОС АНЖЕЛЕС: Локшин — 3 д., А. Шваб — 5 д., Д. Атрик — 5 д., С. Замлинский — 2 д. БАЛТИМОРЕ, Мд.: Ж—к — 4 д., П. Ку-чук — 1 д. НЬЮ ИОРК, Н. И.: Лукашевич — 5 д., Свида — 5 д. МЕКСИКО СИТИ, Мексика: Флешин — 8 д. Группа города Нью Иорка — 70 д. НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ: З. Златков — 7 д. ВИННИПЕГ, Канада: О. Довгалюк—2 д.

МАЙЯМИ, Флорида: Ко-ко — 5 д. МОНТЕВИДЕО, Уругвай: Черняков — 20 д. 47 с. МАЙЯМИ, Флорида: Еленский — 3 д., Т. Персов — 3 д. ВИНДЗОР, Кан.: М. Черный — 15 д., О. Дечевич — 10 д. ТОРОНТО, Кан.: П. Гронский — 5 д. ЛОС АНЖЕЛЕС: Зароченцев — 1 д. ФИЛАДЕЛЬФИЯ: Шахтер — 20 д., Тимощук — 5 д., Марченко — 5 д., Кравчук — 5 д., Могилевский — 2 д., М. К. К. — 1 д., Д. Т. Т. — 5 д. БРУКЛИН: Мацигуд — 5 д., Шабан — 5 д. ЯСВИЛЬ, Конн.: Супранович — 4 д.

60-ЛЕТИЕ "ЛА ПРОТЕСТА"

Путь анархического печатного органа тернист. Помимо того, что анархический журнал или газета не могут идти обычным путем печатных органов, — путем печатания коммерческих объявлений, — они еще испытывают полицейские рогатки на каждом шагу.

С этой точки зрения, отпразднованый в этом году аргентинской анархической газетой "Ла Протеста" 60-летний юбилей — событие первостепенной важности. Просто не верится, чтобы анархическая газета могла просуществовать столько лет. Но это факт. Первый номер "Ла Протеста" вышел в 1897 году; выходит газета и сейчас.

На протяжении шести десятков лет "Ла Протеста" пришлось пережить не мало взлетов и падений. Но последние происходили, конечно, по милости полиции. В годы реакции и преследований "Ла Протеста" приходилось уходить в подполье, но газета окончательно своего существования не прекращала. В том или ином виде она периодически появлялась и распространялась из под полы. Как только силы реакции ослабевали, "Ла Протеста" возобновляла легальный выход.

Наибольший успех "Ла Протеста" падает на 20-тые годы. Тогда газета не только выходила ежедневно, но и давала весьма содержательное еженедельное приложение. Душой газеты в это время являлся А. Сантильян.

"Ла Протеста" подвергалась не только полицейским преследованиям, но и хулиганским нападениям со стороны натасканной черни. Первое такое нападение было совершено в начале этого столетия, когда толпы хулиганов, вооруженные толстыми палками, ходили от киоска к киоску, уничтожая имевшиеся там номера газеты. В 1910 году чернь не только уничтожила отпечатанные номера газеты, но и разгромила типографию. Наибольший погром, однако, произошел в 1928 г. когда зверски был убит один из редакторов "Ла Протеста" — Эмиль Араньо. Это, однако, не останавливало выхода газеты. "Ла Протеста" переставала выходить (уходила в подполье) лишь тогда, когда власти накладывали на нее свою лапу. Последний раз "Ла Протеста" вышла из подполья в 1955 г.

Будем надеяться, что больше "Ла Протеста" не придется уходить в подполье, что она свободно и успешно будет выходить еще многие десятки лет.

"FREEDOM"

Анархическая еженедельная газета, издающаяся в Лондоне. Адрес:

Freedom Press
27 Red Lion Street
London W. C. 1,
England

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ХАСТИНГС, Новая Зеландия. — Уважаемые друзья, прошло много времени с тех пор, как я вам писал. Мир за это время пришел в состояние напраженного ожидания страшной военной катастрофы. Две противоположные идеологические силы, т. е. частный капитализм на Западе и государственный на Востоке ощетинились друг против друга, готовые, ради сохранения своего господства над трудящимися, бросить человечество в пасть военному молоху. А для приобретения послушания и симпатий трудовых масс обе стороны, капитализм и большевизм, сулят им много обещающих реформ, могущих якобы уничтожить жестокую эксплоатацию и установить истинную политическую свободу и экономическое равенство. Для успеха своих замыслов обе стороны прибегают к услугам жадного на деньги, корыстного духовенства и блудной Валаамовой ослицы церкви. В этом отношении большевистская клика в России перещеголяла капиталистов. Будучи атеистами марксистского толка, жестоко преследуя духовенство вначале, они, потеряв доверие со стороны трудящихся простили все грехи духовенству, разрешив ему проповедывать с амвоннов покорность и примирение с жесточайшей диктатурой.

Мир потрясен до основания событиями, имевшими место в Познани, в Венгрии и продолжающиеся на Ближнем Востоке. Все это укрепляет нашу веру в приближение лучшего будущего и зовет нас к посильной помощи журналу "Дело Труда-Пробуждение." Посылаем в издательский фонд журнала 3 английских фунта и зовем других товарищей оказывать посильную моральную и финансовуы помощь единственному на русском языке анархическому органу. **З. Златков**

МОНТЕВИДЕО. — Только что получил пачку № 53 "ДТП." Номер очень интересный. Статья "Коммунизм и демократия" как раз такая, какая нужна сейчас — в разгар холодной войны. Война эта между частным и государственным капитализмом подобна хамелеону: проявляется в разных видах и вспыхивает в разных частях земного шара. Одно время она бушевала на Балканах, потом перекинулась на Дальний Восток, затем — на Ближний Восток. Может она разразиться и на американском континенте или же в африканских джунглях. Поразительнее всего, что обе стороны, бряцая атомно-ядерным оружием, в то же время кричат, что они за мир. Делается это, конечно, с той целью, чтобы еще больше сбить с "панталыку" невежественных овечек, т. е. ту часть населения, которая верит басням правителей.

Хороши также другие статьи — по анархизму, кооперации и т. д. Что же касается разбойников пера типа Прошина, то на мой взгляд, ответственность тут больше всего падает на редактора того органа, на страницах которого появляется эта дурно пахнущая белиберда. По моему мнению, первейшая задача всякого редактора — держать в должной чистоте — моральной и идейной — вверенный ему орган. Если редактор этого не делает — он позорит себя и редактируемую им газету. Он уподобляет свой орган свалочному месту, куда можно сваливать все.

Жаль, что наши ряды редеют. Но наши идеи зреют — проникают шире и глубже в жизнь, чем и вызывают желчь у всевозможных Прошиных. № 53 я распространил среди наших товарищей и постараюсь в ближайшем будущем выслать его стоимость. Меня радует, что "ДТП" выходит. Хотя и редко, но все же выходит, метко бьет и правильно указывает, где собака зарыта. **Н. Ч.**

МОНТЕВИДЕО. — Дорогие друзья. Спешим на помощь единственному анархическому органу на русском языке "ДТП." Высылаем 87 уругвайских пезо, что на деньги США составляет 20 д. 47 с. Сумма эта составилась из пожертвований. Жертвовали следующие товарищи: Г. Ценельников 10 (цифры означают пезо), Н. Шимчук 5, Д. Самцов 10, В. Бельчак 2, В. С—в 5, Ю. Крапивницкий 10, В. 10, Е. Гайсенюк 5, Г. Шерстюк 10, Г. Варварюк 5, А. Черняков 10.

Вместе с тем выражаем свои надежды и пожелания, чтобы журнал "Дело Труда-Пробуждение" выходил по возможности чаще, ибо такие органы печати сейчас очень нужны. Мир вследствие всевозможных политических интриг, все ближе и ближе приближается к пропасти. Войны еще нет, но ее ужасы уже становятся действительностью: люди уже начинают заболевать от радиоактивности, образующейся от опытных взрывов бомб. Печальнее тут то, что эта угроза над миром нависла не столько по милости политиканов, сколько по милости науки. Наука пошла на службу к государству. Ученые работают не над тем, что несет счастье людям, а над тем, что несет гибель. В этом трагедия наших дней. Только анархисты правильно указывают на это. Представители других политических течений если и критикуют одну сторону, то другую сторону защищают. Вот почему нам так необходим "ДТП."

В заключение шлем свой привет всем товарищам, благодаря жертвенной деятельности которых мы имеем возможность читать "ДТП." **А.Ч.**

МОНТРЕАЛ. — Уваж. т. Ч. Журнал я получил и прочитал. Что-то уж очень много пишут о святых и о центрах, а на злобу дня почти ничего. Мне кажется, что следовало бы больше писать о безработице, а также о том, что правительства готовят для людей, т. е. о войне. Мой личные дела незавидные. Со мной произошел несчастный случай: был побит. Много крови потерял. Организм ослабел, взор притупился, сердце устало, душа опустела. Но жить как то надо. Хожу к доктору...

Единственное утешение — журнал "ДТП." Но, к сожалению, он выходит очень редко. Но все же хорошо и за это: лучше что-нибудь, чем ничего. **В. Ш.**

БРАЗИЛИЯ. — Ув. т. Ч. Посылаю в этом письме 200 бразильских крузейрос и прошу передать их по назначению, т. е. в журнал "ДТП," который, несомненно, нуждается в нашей помощи. Многие обижаются на то, что журнал выходит редко, но мне кажется, что в этом наша вина. Если бы мы меньше критиковали других, а больше проявили

своей личной инициативы и деятельности, то журнал, несомненно, выходил бы чаще.

Что касается местных дел то прежде всего приходится отметить, что в Бразилии страшная дороговизна. Прежде пересылка простого письма стоила 60 сентавов, а теперь 240 сентавов. Так во всем. Разбухшая бюрократия дорого обходится населению.

Присланные Вами книги очень интересны. Особенно понравились многим: П. Кропоткин "Поля, фабрики и мастерские," М. Ремарк "На западном фронте без перемен," Новомирский "Из программы синдикального анархизма," Ж. Грав "Будущее общество," Джиованони "Спартак," М. Штирнер "Единственный и его достояние."

Мы очень благодарны Вам как за присланные книги, так и за журнал. Только и новостей, что от Вас. **И. И.**

БАЛТИМОРЕ, Мд. — Ув. т. Ч. Что нового? Как здоровье? У меня все по старому. Работаю и воспитываю семью. Как и все мы, чувствую уже не так, как когда то. Время берет свое. Что же касается организационной работы, то (несмотря на то, что еще есть желание поработать), ее почти что нет. Наши лучшие организационные работники постепенно уходят и наши ряды все редеют и редеют. Я, конечно, имею ввиду естественное явление — смерть. Ее не избежать. Многие уже умерли и заменить их некому. Ушли следующие товарищи: Драч, Щерба, Пролиско, Савчук, Собко, Белецкий, Серодоенков и дрг., составлявшие когда то ядро нашего движения. Если кто еще и остался, то все громче и громче жалуется на старость. Но все же — "жизнью пользуйся живущий." Нужно как то жить, нужно что-то делать. Для поддержания движения и журнала буду делать все, что только смогу. У меня сохранилась еще некоторая литература. Если будет спрос—пиши. Вышлю. **А. В.**

Финансовый Отчет
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "ДТП"
от 1-го мая по 1-го октября 1957 р.

ПРИХОД

Поступило в фонд издания 54 номера	$297.00
Поступило за проданные номера	27.50
Остаток от издания 53-го номера	56.45
Итого	$380.95

РАСХОД

Издание и экспедиция	$325.00
Уплачено за помещение за 8 месяцев	80.00
Рассылка циркулярного письма	5.00
Уплачено за почтовый ящик за 9 месяцев	19.00
Итого	$429.00
Дефицит	$49.00

Тем, которые говорят: "коммуна—это средние века, мы не должны думать о ея возрождении," мы отметим: "Государство—это бесконечные века гонений и бедствий, и над ним произнесен смертный приговор." П. КРОПОТКИН.

Письмо из Детройта

Уважаемые Товарищи. Посылаем вам 60 д. 50 с. из них 12 д. 50 с. выручено от продажи журнала, а остальные 48 дол. — пожертвования. Жертвовали следующие товарищи: Иосиф Панасевич 10 долларов, Д. Савчук 10 д., Т. Шумович 10 д., И. Черный 10 д., Яков Ткачук 5 д., И. Ильченко 2 д., А. Кунько 1 д.

Прежде всего, мы, члены Профсоюза, выражаем старому товарищу, Иосифу Панасевичу, свое глубокое соболезнование по случаю смерти его жены, Юлии, родившейся в России в 1889 г., а умершей здесь, в Америке, в 1957 г.

Затем нам хочется ответить на один вопрос. Нас иногда спрашивают: какая разница между большевистским и демократическим государством?

Вот большевистское государство.

В древней Аттике, как гласит легенда, был разбойник Прокруст. Пойманных людей он укладывал в свою кровать. Если человек был малого роста, Прокруст вытягивал его веревками до тех пор, пока кровать не приходилась жертве в пору. Если кто был большого роста, Прокруст просто его укорачивал, отсечением ног. Большевисткое государство — это пресловутое Прокрустово ложе. В этом государстве все должно быть шаблонно, одинаково. Кого укорачивают, кого вытягивают, но самостятельной, отличительной индивидуальности там нет.

А вот демократическое государство.

Не устраивай собраний без разрешения властей. Не печатай книг, журналов или газет, идущих против твоего правительства. Почитай и уважай своих представителей и чиновников. Ведь они твои слуги, неважно, что они тебя иногда дубинками бьют. Повинуйся законам, которые твои представители каждый день пекут. Плати налоги аккуратно и выполняй все, что от тебя требуют. Если ты будешь все это делать, государство предоставит тебе право распоряжаться своей жизнью, имуществом и т. д. Но если ты откажешься повиноваться государству и осмелишься высказать свое собственное суждение, ты будешь лишен всех прав, выслан из пределов страны или же заключен в тюрьму.

Вот какая разница между большевистским и демократическим государством. Грубая сила в конце концов доминирует везде, только проявляется она не одинаково.

Теперь пусть судит читатель, что вкуснее — хрен или редька. **Профсоюз**

САМ НА ИЖДИВЕНИИ, НО ЖУРНАЛУ ПОМОГАЕТ

Ув. товарищи. Посылаю 10 дол., которые мне удалось собрать путем отчислений из моего маленького пособия. В будущем постараюсь еще собрать. Буду отказывать себе в материальной пище, для того, чтобы хоть иногда иметь пищу духовную. "ДТП" ведь пища духовная.

М. Т.